

Николай Полотнянко

БУНТ СОВЕСТИ

ББК 84(2Рос=Рус)

П.52

П52 Полотнянко Н. А. «Бунт совести».
Стихотворения и поэмы. — Ульяновск:
ООО «Вектор-С», 2015 — 278 с.

Новая книга поэзии Николая Полотнянко включает в себя стихотворения и поэмы, написанные в конце прошлого и в начале нынешнего века. Все они — о Боге, России и русском человеке, то есть о том, что, по мысли Н. Гоголя, во все времена являлось основополагающими смыслами русской лирики, но в последние полвека было почти полностью обесценено и утрачено.

Своей книгой автор пытается вернуть читателя к духовным исканиям лучших поэтов русского народа, дабы он обрёл нравственные силы для противостояния пошлости и абсурду, которые в наши дни подтачивают основы Русского Мира.

В 2011 году было издано «Избранное стихотворений и поэм» Николая Полотнянко. Книга «Бунт совести» органично продолжает обозначенные в нём смыслы русского бытия и может вполне считаться его вторым томом.

Николай Полотнянко

БУНТ СОВЕСТИ

Стихотворения и поэмы

Ульяновск
2015

О Полотнянко Николай Алексеевич, 2015

Предчувствия поэта

* * *

*Подрастающего племени
Не пугают пыл и прыть.
О себе в прошедшем времени
Я не буду говорить.*

*Пусть они спешат нахраписто.
Как и должно молодым.
Но с наскока, так запросто,
Не осилить слова им.*

*Богом создана поэзия
Не для пошлой суеты.
Вся она — шаги по лезвию
Через пропасть темноты.*

*За неё всей жизнью платится.
В бездну рушатся года.
Колобочком слово катится.
И неведомо куда...*

Естественным проявлением любого смутного времени становится угасание духовной жизни народа. Конечно, совсем духовная жизнь исчезнуть не может, она лишь превращается в некое подобие самой себя. Выражается это, прежде всего, в культурном оскудении. Культура перестаёт радовать шедеврами, так щедро рассыпанными в эпоху общего подъёма. Выдающиеся произведения духа обращаются в жемчужные зёрна, которые следует отыскивать в кучах разного дрязга. Рог культурного изобилия сменяется нищенской сумой. А на месте жаркого, высоко поднимавшегося пламени культуры остаются пепел да горячие угли. Но эти разрозненные огоньки, эти уцелевшие очаги культуры сохраняют весь её пыл и дарят надеждой, что однажды из них займётся новый огонь и поднимется новое пламя.

Главную опасность для культуры представляют всегда творения посредственные, нагло выдаваемые за великие. Именно этим недугом больна сегодня и русская литература. Плохие стихи и романы, то и дело награждаемые и превозносимые — это ли огонь? Конечно, нет. Но погребённые под этой золой угли, сохраняющие подлинный свет и жар, в любой момент готовы дать начало новому общему горению.

Поэт Николай Полотнянко — один из хранителей священного огня, искры которого были посеяны ещё Пушкиным. Об этом Николай Полотнянко знает и сам, в одном из лучших своих стихотворений «Поэт» обращаясь к собратьям по перу с призывом:

*...Но ты, поэт, во мраке буден,
В труде, на смертном рубеже
Не забывай, что ты подсуден
Одной лишь собственной душе!
Ты перед ней за всё в ответе.
Сжигай себя, томи, неволь!
Как раскалённый уголь светит
В твоей душе святая боль!..*

Стихотворение это перекликается с пушкинским «Поэту»:

...Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд...

Истинный поэт свободен от суеты мира и подсуден только себе, потому что дар Божий и есть высший судия творчеству. Но одарённый, поэт обязан творить, чтобы отдать миру полученное от Бога и ничего не просить от мира взамен. Таков удел, таково назначение поэта, такова суть творчества. Немногие готовы идти «дорогою свободной» и не требовать «наград за подвиг благородный». Но именно на таких творцах и держится культура, они — те самые горящие угли.

Николай Полотнянко и не скрывает, что следует за Пушкиным, за его традицией и школой. Имя Пушкина не раз встречается на страницах книги «Бунт совести» («Зов судьбы», «Воспоминание о романсе»). Но главное, пушкинская традиция даёт себя знать в пластике и красоте стиха, лишённого выкрутасов и нарочитой усложнённости, в интересе и любви ко всему прекрасному, в удивлении и восхищении перед великим. Пушкин слышится в неожиданных подчас рифмах, в живых и точных образах, передающих чувство, в широком охвате предметов и явлений, к которым обращена поэзия.

Белинский когда-то благодарил тех поэтов, что прямо или косвенно обратили русскую литературу к «благородной простоте» и навсегда отвадили от «изысканной дичи». «Благородная простота» — это и в самом деле отличительная черта русской литературы. Во всяком случае, высших её достижений. Именно о простоте принято говорить «божественная», нет никакой «божественной сложности» или «божественной вычурности».

Но, увы! «Изысканная дичь» только притаилась — Белинский слишком рано сказал «навсегда». Из подполья своего она вылезала осторожно. Наконец вылезла вся и заявила о своих правах. Вела она себя агрессивно и простоту потеснила. В сегодняшней литературе «изысканной дичи» хоть отбавляй. Есть целое направление, а у направления — последователи и поклонники. Простота же встречается редко, гораздо чаще — простоватость. Но для Николая Полотнянко простота является чем-то неотъемлемым, что, конечно, и сближает его с классической школой. И читая, например, у Николая Полотнянко:

Зашумела вода в переулке,
Тёмный снег у забора осел.
Тихим звоном упавшей сосульки
Колокольчик весны прозвенел...

Невольно вспоминаешь Пушкина:

...Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,

И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит...

или Фета:

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

Та же простота, краткость и точность. «Белая равнина/Полная луна», — какие слова ещё нужны? А кто же не слышал звон упавшей сосульки — тонкий, немного жалобный сам по себе, но такой же волнующий, как мартовское солнце или запах оттепели. Именно «колокольчик весны», ведь весна — девушка ветреная, приходит ненадолго, с появлением задерживается, а то вдруг придёт и опять исчезнет, а иной раз появится, когда не ждали и расшалится. Но каждый раз появление своё непременно предварит звоном ледяных колокольчиков.

Точно вслед за Пушкиным, Николай Полотнянко отдаёт предпочтение осени. И неспроста большинство стихотворений, посвящённых временам года, обращены к дождям, листопадам и листовеям. В то же время, поэт удивительно сочно описывает русскую зиму, эту своего рода визитную карточку России:

Морозные звёзды смолола
Метель на крутых жерновах.
И мчались, как белые пчёлы,
Над полем снежинки впотьмах.
Рыдал колокольчик поддужный,
Скрипели постромок ремни.
Из тьмы беспокойной и вьюжной,
Тарацились волчьи огни...

(поэма «Школа»)

Удивительно точный и поэтичный рисунок. Нет ни пустых, ничего не выражающих эпитетов, ни бессмысленных сравнений. Каждый штрих работает на общую картину, создавая впечатление какой-то тягостной круговерти.

Пожалуй, метель или вьюга — наиболее часто встречающийся символ у Николая Полотнянко. Да и нет, пожалуй, русского писателя, не обратившегося хоть раз к образу метели. Что же такое метель? И почему такое место уделено ей в русской литературе?

Метель — это разбушевавшаяся стихия, бессмысленная да и, пожалуй, беспощадная. Это неодолимая сила, встающая на пути человека, сбивающая на неверную дорогу, вершащая

судьбы, карающая и милующая. Горе тому, кто оказался вдали от жилья, когда бушует метель. Метель отсекает человека от остального мира, ставит лицом к лицу с судьбой, а то и заставляет заглянуть в глаза смерти. Это сам рок, слепой случай, играющий с человеком. В нашей российской жизни немало случайного и рокового, русский человек нередко оказывается один на один со стихией, русскому человеку хорошо знакомо, что такое «бунт совести». Но передать это в поэзии, подобрать образ дано не каждому поэту.

В самом деле, нынешнюю поэзию зачастую отличает отсутствие поэзии как таковой. Стихи оказываются зарифмованной публицистикой или бессмысленными причитаниями на тему «Плач о России». Но поэзия и рифма — это не одно и то же. Поэзия — это особый способ постижения мира, особый взгляд на мир. Но стоит ли сомневаться, поэзия ли перед нами:

...В небе звёздные гаснут крупницы,
И с востока, туманно горя,
Осторожно рыжей лисицей
Пробирается в тучах заря...

(«Крещенское утро»)

Конечно, поэзия! Даже и без названия ясно, что речь идёт о зимнем утре — медлительном, окутанном морозной дымкой. В этих строках и лёгкость, и прозрачность, и неподдельность, что, кстати, присуще и прозе Николая Полотнянко.

Быть поэтом — значит, видеть красоту, гармонию и смысл там, где их не видят другие. Что, например, может быть интересного в вороне, сидящем на ветке. Да ничего! Но вот, как увидел ворона поэт:

Сугробы тают, и в снежнице
Отражено сиянье дня.
Телок, как в зеркало, глядится
В большую лужу у плетня.

Гусак легко взмахнул крылами.
Кот точит когти о забор.

Случился между петухами
Мужской серьёзный разговор.

Весенним радуясь просторам,
Поют скворцы на всё село.
И лишь на дубе старый ворон,
Вокруг взирает тяжело.

Ему докучен шум весенний.
Он знает, всё это — тщета:
И ликование песнопений,
И вокруг гнездовой суета.

Он видел всякие эпохи.
И, оглядевшись, мудр и стар
На шум весенней суматохи
Обрушивает грозно: «Кар-р!»

(«Ворон»)

Отметим, что среди персонажей этого стихотворения нет ни одного женского: телок, гусак, кот, петухи, скворцы и, наконец, ворон. Словом, «мужской разговор» происходит не только между петухами, всё серьёзно, никакого щебетания или кудахтанья. Но даже и тут, в такой серьёзной компании грозное «Кар-р!» звучит предупреждением, а то и приговором. Мрачное всеведение жизни противопоставлено глупой суматохе и бестолковому ликованию. Самолюбование, мечты, честолюбие, веселье и буйство — всё пустое, всё суета сует. Опоэтизированная и ожившая деревенская картинка с появлением ворона превращается из идиллии в притчу.

В лирике Николая Полотнянко предмет, явление, мысль или идея преобразуются в ощущения и выражаются затем метким и нужным словом. В книге «Бунт совести» представлен русский мир, увиденный через кристалл чувств поэта. Этот мир чрезвычайно разнообразен, но главное, что характеризует его — красота и трагизм. Общее настроение книги выражают, пожалуй, три стихотворения. Это «Предчувствие Поэта», «Счастливым день» и «На одиночество обрѣк я сам себя...»

Здесь и восхищение перед красотой, и грусть перед её скоротечностью, и гнев перед несправедливостью. При этом грусть нельзя назвать светлой, в ней много трагизма, даже ощущения безысходности. Но сквозь безысходность прорываются вера и надежда, и это не вялые чувства, но молодые, сильные, зовущие:

...В сугробе молодом играет свет.
Какой надеждой снова сердце бьётся!
Я позабыл вчерашний грустный бред
О том, что всё уйдѣт и не вернѣтся.

(«Счастливым день»)

Эти чувства поэт относит не только к себе, он верит и в Родину, и в спасительную русскую литературу, хранительницу правды:

...Слов зѣрна прорастут, ответится труха,
Честнее станут мнения и судьи.
Я красотой русского стиха
И совестью клянусь, что это будет!..

(«На одиночество обрѣк я сам себя...»)

Он верит, что безвременье закончится, что развеется окутавший Россию морок:

...И прозвучит спасительное слово,
Любви и правды и утешит нас.

Оно соткѣтся из крупинки света
И ярко вспыхнет письменами звѣзд.
Я всей душой предчувствую Поэта,
Что над Россией встанет в полный рост...

(«Предчувствие Поэта»)

Грядущий Поэт для Николая Полотнянко — не просто стихоплѣт, это своего рода пророк и чудотворец, исцеляющий глаголом. И его появление будет знаменовать наступление новой эпохи. Суть поэзии не в том, чтобы зарифмовать, подлинная поэзия зыбка и неуловима, как морозный узор

на стекле или рисунок скрестившихся теней. Предчувствуя новую поэзию, Николай Полотнянко видит её небывалой, а грядущий Поэт представляется ему «как отраженье Божьего сиянья».

Эти предчувствия порождены напряжённым созерцанием Николая Полотнянко, поэт стремится рассмотреть суть, скрытое движение. Поистине огромен охват того, что волнует поэта. Судьбы Родины, русская природа — такое впечатление, что нет ничего в России, что осталось бы за пределами внимания Николая Полотнянко, дерзающего наблюдать даже за Смертью («Смерть»).

Созерцая природу, поэт видит скрытый от глаз большинства драматизм («Сгорел багровый холст заката...», «Лось», «Соболь») и то незримое единство, которым каждый человек связан с окружающим миром («О звёздном и земном», «Сад терзают всю ночь ливень с градом», «Последний лист на древе жизни»), и неизбежную связь человека с породившей его землёй («Из беспросветного круга бескрылого...», «Весь датами утрат я испещрён...», «Мёртвый лес»). Белинский назвал бы это «мирообъемлющим созерцанием».

К природе Николай Полотнянко обращается постоянно, она служит для поэта и фоном, и примером, и символом. Говоря словами Баратынского, «Была ему звёздная книга ясна/И с ним говорила морская волна...» («На смерть Гёте»). Поэт считывает природу, она помогает передать настроение, делится образами, открывает свои тайны, она — источник и художественности, и мудрости поэта, в чём, безусловно, также прослеживается связь Николая Полотнянко с классической поэзией.

Книга «Бунт совести» включает в себя стихотворения разных лет и две исторические поэмы. Такие разные произведения объединяет название — тут и там говорит возмущённая совесть поэта. Книга весьма разнообразная и многоплановая и оставляет по прочтении такие же впечатления. Здесь и радость от общения с природой, и боль от засилья зла, и грусть, и надежда, но самое главное — удовольствие, подаренное поэзией.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

* * *

Быть русским выпала мне доля,
Открытым к свету и добру.
Как одуванчик в чистом поле,
Я взрос на солнечном ветру.

Моим призваньем стало слово.
И, слыша сердцем божий зов,
Я в век бесстыжий, безголовый
Воспел надежду и любовь.

В пучине жизни нету брода.
И, не пеняя на судьбу,
Я жил в народе для народа,
И к правде с ним торил тропу.

Безвременье

I

Сочится сумрак из окна.
Летят снежинки роем.
И нет зимы, и есть она —
Безвременье глухое.

И всё вокруг меня мираж,
Обман, фата-моргана:
Деревья, зданья, мой этаж
И чай на дне стакана.

Всё — полумрак и полусвет
В метельной круговерти.
И полужизни тусклый бред
В объятьях полусмерти.

II

Музыка времени — тишина.
Свершилось — отсох язык.
Стой, как стоишь, молчанья стена,
Забетонируй крик!

Грязь вокруг поднялась до колен
Наших паскудств, наших измен.
Сволочь сожгла недостроенный храм.
А пепелище — бардак и бедлам.

III

Летит, стена, ветер,
В лицо бросает снег.
Куда сквозь лихолетья
Пришёл ты, человек?..

Не сбился ли с дороги?
Нашёл себя в любви?
Что заимел в итоге
Дерзаний на крови?..

— Молчи, молчи, не спрашивай,
Все сроки сочтены.
Ты лучше прихорашивай
Лихие наши дни.

IV

Мы все надеемся на чудо,
Когда закончатся года.
Но никаких вестей оттуда
Не поступает к нам сюда.

Кто был монах, а кто безбожник,
Кто зло творил, а кто любовь...
Но ни счастливых, ни тревожных
К нам не доходит голосов.

Что там, на грани неживого,
Где задувает мрак огни?
Ужели музыка и слово
Вдруг стали смертны в наши дни?

История России

История России необъятна.
Она как затонувший материк
Из толщи временной и невозвратной
Лишь иногда нам свой являет лик.

В ней — радость человеческого детства,
И горечь от несбывшихся надежд,
И подвиги, и подлые злодейства,
И наши мненья жалкие, невежд.

И мы пред ней то в ужасе немеем,
То слепнем от сиянья красоты.
И каждого державного злодея
Готовы оправдать и вознести.

И тщимся объяснить себе причины
Распада царств и гибели эпох...
В её бездонной роковой пучине
Сокрыт всех русских промыслов итог.

Все радости земные и все беды,
Исканья правды и дурман идей,
Все смыслы русской жизни, все ответы,
Всё будущее наше скрыто в ней.

Сонм пращуров державных не попустит
Нам позабыть про свой святой исток.
Россия как река вливается всем устьем
В безмерный океан, чьё имя — Бог.

Судный День

Живём, душой скудея до распада,
И меж собой, с зевотой, говорим:
— Богач дал дуба...
— Так ему и надо!
— Задохся бомж в помойке...
— И чёрт с ним!

Что их жалеть? Вот если б умер плотник,
Иль слесарь, даже спившийся поэт...
А эти кто?.. Ну, кто из них работник?
За ними добрых дел в помине нет.

Один народ обманывал и грабил.
Хотел жить вечно — лопнул, точно глист.
Другой — денатурата кружку хряпнул,
Нюхнул сухарь, да не успел разгрызть.

Богатого зарюют под Шопена.
Бомжа — с фанерной биркой на ноге.
Но и они пополняют непременно
Тот список, что у Господа в руке.

Известно лишь Ему Число людское
И срок свершенья богомольных грёз,
Когда вдруг встанет Время мировое,
И явится нас всех судить Христос.

Смерть

Без отдыха, дабы везде поспеть,
Свой огород возделывает Смерть.

В осклизлых ямах копит черепа,
В труху крушит дубовые гроба.

Пред ней равны — и гений, и злодей,
И депутаты, и лжецарь державы...

Она в свой срок, без хитростных затей,
Их всех отправит на аллею Славы.

Пусть тщатся там Харона подсидеть
И выбиться, хотя б в завпереправой.

...Печально сознавать, но только Смерть,
Как высший демократ, одна имеет силы.
Нас всех утешить равенством могилы.

Вот и всё...

Вот и всё...
Оттолкнувшись от кромки причала,
Ветер вспыхнул и смял
За кормой теплохода следы.
И, сверкая крылом,
Беззаботная чайка играла,
Отражаясь, как в зеркале,
В глади спокойной воды.

Я гляжу на неё
И грущу, вспоминая о прошлом,
Ведь остался я в нём
Навсегда молодым.
Что казалось большим,
В одночасье вдруг стало ничтожным.
Что считалось чужим,
Неожиданно стало родным.

Охладела душа
К броским краскам и звонкому слову.
А из слёз и обид
Испарился отмщения яд.
Как жилось, так и жил,
Подчиняясь небесному зову,
И свободу обрёл,
Потому что спешил наугад.

И в свой час
Я покину пределы земные,
Тем путём, как ушёл
Всепрощающий Бог.
Только жалко, до боли,
Гонимый народ и Россию
Оставляя на распутье,
Где нет ни надежд, ни дорог.
Как всегда, нет виновных,
Со всех взятки гладки —

И с меня, и судьбы,
Что была так свирепа порой.
Скоро жизнь навсегда
Убежит от меня без оглядки.
Коль успею, махну
Ей вослед на прощанье рукой.

С чистой верой в любовь
Подниму я прощальную чарку,
Чтобы небо поэта
На миг не бывало пустым.
Чтоб сверкая крылом,
Беззаботно играла в нём чайка,
И остался в стихах
Он навеки всегда молодым.

* * *

Не все дойдём мы в возрасте преклонном
До сумеречных тягостных годов.
Не всей листве на дереве зелёном
Шуметь до наступленья холодов.

Есть листья, что вообще не зеленеют.
Они с рождения тусклы и бледны.
Чуть-чуть лишь ветерок на них повеет,
Как валятся безжизненно они.

В лесу сияют солнечные пятна,
Звонит весна... И падает листва.
К себе самой природа беспощадна,
И потому она ещё жива.

На воздух и на дождь имеет право
Лишь то, что может пользу принести...
О как ужасен этот вывод здравый.
Как страшно вслух его произнести!

О звёздном и земном

1

Наше прошлое скрыто во мраке,
А грядущее зреет во тьме,
Где летит звёздный круг Зодиака,
Все двенадцать немеркнущих знаков,
В бесконечной вселенской зиме.

И в безвестность летят вместе с ними
Тьмы непознанных смертных существ,
Утомлённых путями земными.
Они страстной надеждой палимы —
В их сердцах что-то звёздное есть.

И провидчески мнится поэту,
Как, неся ореол голубой,
Исчезает в пространстве планета.
И летит он со скоростью света
За своей неземною судьбой.

2

Взвился вьюги серебряный локон
Из космической тьмы ледяной.
И на гладь затуманенных окон
Пала изморозь строчкой витой.

Над землёю то ярко, то блёкло
Проявляется тайнопись звёзд.
Пишет строчку за строчкой на стёклах
Тёмных окон крещенский мороз.

И порою мне мнится, что где-то
Есть звезда, где всё так же, как здесь.
И письмо на стекле — от поэта
Неземного тревожная весть.

Я с волнением читаю посланье,
Узнавая себя самого:
Те же страсти, и то же исканье
Смысла жизни терзают его.

И ему мнится тоже, что где-то
Есть в пространстве живая звезда.
И посланья земного поэта
Получает и он иногда.

Нас терзает раскаяний мука
И страшит неизбежность суда.
В бесконечности звёздного круга
Мы летим и не знаем — куда.

3

Такое время — нервы на пределе.
В разрухе — вера, в тупике — судьба.
И перепады ртутного столба,
И сам себе, и книги надоели!

Куда ж нам плыть?..
В ответ визжит метель
В печной трубе.
Закрыты магазины.
И в полночь телевизор онемел.
И только окна светятся, как льдины.

С карниза снег сыпается, шурша,
И на фонарь летит картечью белой.
И нет меня во мне.
И, кажется, душа
Покинула меня и отлетела.

И может быть она,
Как некий выюжный дух,
Летит сейчас над зимнею Россией,
И слышит свет, и видит каждый звук,
И прозревает все пути земные.

Иль взвившись, словно смерч,
До звёздного огня,
Меж небом и землёй
Во мгле витает.
И всё, что ждёт Россию и меня
Она уже предвидит и предзнает.

4

Тревожной музыкою века
Насквозь пронизан шар земной.
В ней шум дождя и шёпот снега,
И вьюги плач, и ветра вой,

И радость жизни, и усталость
Склонённых над водою ив —
Как всё сплелось, как всё смешалось
В один напев, в один мотив!

И семь планет — семь нотных знаков
Горят впотьмах путей земных,
Нас заставляя петь и плакать,
Лишь стоит нам услышать их.

Мы мчимся в будущее слепо,
Тая надежду и любовь.
Страх высоты и жажда неба
Нам потрясают души вновь.

Прошедший все круги земные,
Я слышу сердцем, как подчас
Век лихорадят аритмии,
И корчат судороги нас.

Гремят припадочные ритмы
Неврастенических синкоп.
Смешались марши и молитвы
В бездушный звуковой потоп.

В эфире бредят пустозвонцы,
Ломая ритмы и слова.
И человек земли и солнца
Не слышит, как растёт трава.

И шум дождя, и шёпот снега,
И вьюги плач, и ветра вой
Волнуют мало человека,
Так увлечённого собой...

Отдайте жизнь — я сам в ней разберусь

Отдайте жизнь — я сам в ней разберусь.
Снимите поводок, ослабьте путы.
Я видел и суды, и пересуды,
И быть самим собой не утрашусь.

Клик журавлиный в сердце, как заноза,
Саднит, не утихая ни на миг.
И пусть на полдень из страны мороза
Летит и мой обретший волю стих.

Пусть он летит полётом журавлиным
На острова Блаженства, где был Рай.
И по весне с весёлым птичьим клином
Вернётся навсегда в родимый край.

Я был всего лишь эхом русской смуты,
Прозревшим то, о чём стенает Русь:
— Снимите поводок, ослабьте путы.
Отдайте жизнь — сама в ней разберусь.

Мёртвый лес

Я видел лес.
Я видел мёртвый лес.
В нём не было ни шума, ни движенья.
Деревья голые, без лиственных завес,
Стояли, молча, будто привиденья.

Берёзы с чёрной треснувшей корой.
Осин замшелых скорбные безглавья.
Подрост безжизненный и ягодник сухой.
И мёртвая земля, без разнотравья.

Туман горчил и липким был, как дым.
И сыпалась с ветвей сухая копоть.
И я подумал, именно таким
Жилище смерти выглядит, должно быть.

И вспомнил лес, каким он раньше был
Тому полвека...
Не мертвец убогий,
Он согревал деревню и кормил
После войны, не требуя налога.

Так много было ягод и грибов,
Что брали их без счёта и без веса.
В деревне всё, от зыбок до гробов
И делалось, и строилось из леса.

Жила деревня лесом, но пришли
Нефтяники с толпою вышек-башен.
И умертвила лес дурная кровь земли,
Что хлынула безудержно из скважин.

За лесом вслед деревня умерла,
Остались лишь трухлявые колодины.
А люди разбрелись, у всех свои дела.
Ещё одной не стало малой родины.

Я стих из сердца выну...

Дождь льёт и льёт на глину.
Наперекор дождю,
Я стих из сердца выну,
Ульяновск подожгу.

Гори он синим пламенем,
Сердца бросая в дрожь,
Чтоб из души и памяти
Вся выгорела ложь.

Бушуй он ярим пламенем
С неправдой и жульём,
Чтоб пугачёвским знаменем
Дым взвился над Венцом.

Чтоб совесть не ослепла,
И жив был русский дом,
Сгори, мой стих, без пепла,
Спасительным огнём.

Дождь льёт и льёт на глину.
Наперекор дождю,
Я стих из сердца выну,
Россию подожгу.

Первое октября

Светлане Замлеловой

Прошумел в ветках тополя ветер,
Будто кто-то вздохнул за окном.
В суете я не сразу заметил,
Что пошло моё лето на слом.

С тихим шорохом рушатся стены
Золотых тополиных аллей.
И крутые грядут перемены
На просторах отчизны моей.

На асфальте листва хороводит.
Паутина летит мимо глаз.
Оглянись!..
Наше время уходит,
А другого никто нам не даст.

* * *

На одиночество обёк я сам себя
В кругу послушных коллективных мнений.
Храни меня среди горестей, судьба,
И мой весёлый простодушный гений!

Да, я один, поскольку я для всех
Дерзнул сказать, что думаю о мире.
Меня услышит двадцать первый век
И должное воздаст правдивой лире.

Слов зёрна прорастут, ответится труха,
Честнее станут мнения и судьи.
Я красотою русского стиха
И совестью клянусь, что это будет!

Развееся над родиною бред
Поступков и речений обветшалый.
И вспыхнет звук и грянет чистый свет
Поэзии доселе небывалой.

Зов судьбы

Зябко вьюга во тьме завывает.
И душа знать не знает порой,
То ли бесы с ней в прятки играют,
То ли Пушкин зовёт за собой.

Среди книг в одиноком жилище,
Оттого стало тяжело тебе,
Что, от всех запершись, не отыщешь
В умных мыслях ты волю себе.

И про счастье твоё, и про горе
Знает только всевидящий бог.
Но во вьюжное русское море
Окунуться ты должен, сынок.

Так ступай, испытай же судьбину,
Вызнай радость свою и беду—
Всё, что было написано сыну,
В миг зачатья его, на роду.

Зябко вьюга во тьме завывает.
И душа знать не знает порой,
То ли бесы с ней в прятки играют,
То ли Пушкин зовёт за собой.

Материнская нить

Жаркий свет озаряет поленья.
Стоит только взглянуть и уже
Незабвенного детства мгновенья
Оживают в озябшей душе.

Вспоминается мать у оконца
И пугливая тень от свечи.
Старой прялки шуршит веретёнце,
Словно пламя берёсты в печи.

Не забуду я луг за рекою,
Русских песен, что пела мне мать.
Детство было такое большое,
Что его до сих пор не объять.

Не забуду я нашей землянки
С врытым в землю промёрзшим окном.
Я не знал жизни мрачной изнанки,
Это всё мне открылось потом.

Ты меня обняла у калитки.
Я почувствовал соль на губах.
И увидел — как серая нитка,
Моя тропка петляет в снегах.

Грозы начало

День умирал в конвульсиях грозы,
Что, как орда, вокруг города стояла.
В пустой квартире ходики-часы
Стучали монотонно и устало.

Вдруг по деревьям пробежал озноб.
И стало тихо-тихо, точно в яме.
На площади поднялся пыльный столб
И двинулся, враскачку, меж домами.

Громады туч ползли со всех сторон,
Чтоб тяжело обрушиться на город.
Все окна настезь! Выйдя на балкон,
Я радостно почувствовал, что молод.

И жизнь прекрасна, что ни говори,
Хотя тебе все дважды тридцать три!

Прохладный ветер окатил дома.
Пахнуло остро свежестью озона.
На город тяжко оседала тьма,
Чтоб до утра уже не встать с бетона.

Сломалось небо в мёртвой тишине
И разразилось гулким громопадом.
Я отшатнулся от перил к стене
Перед мелькнувшим пламенным разрядом.

Упала капля первая, как кровь,
Набухнув чернотой на белой глине.
И дождь пошёл, смывая жар с домов,
Густой, тяжёлый, листобойный ливень.

Пастушок

На заре так сладко спится,
Так не хочется вставать.
Но, скользнув по половице,
Лучик солнышка ресницы,
Словно пёрышко жар-птицы,
Начинает щекотать.

Дверь открыта, и прохлада
Наполняет тёплый дом.
И пастух, скликаая стадо,
Громко хлопает кнутом.

Фыркнул бык у окон дома,
Звякнул боталом слегка.
Шевелиться лень, истома
Так прилипчиво сладка.
Веки смежились, и дрёма
Одолела пастушка...

Осенний листопад

Семена осыпались полыни.
Наступили хмурые деньки.
И, озябнув, тонкие осины
Повязали красные платки.

Журавли над ними пролетели,
Обгоняя в небе облака.
И тревожно-трепетно пропели,
Что грядут морозы и снега.

Взволновались тонкие осины,
Что приходит летичку конец.
Но не дал подружкам впасть в кручину
Непоседа ветер-сорванец.

И в осенней роще на полянке
Под зовущий ворожейный свист
Разыгрались листья в догонялки,
Закружились, в пляске понеслись.

Все забыты горести-печали,
И легко, мелькая и паря,
Красные платки с осин упали
Листопадом бойким сентября.

Украина, 2014

Больная жизнь досталась веку
Кошмаром явленных идей.
Он породил страну-калеку
На Русь озлобленных людей.

На что ей, жалкой, опереться,
Когда умами правит ложь?
Мечта бандеровская с детства,
Чтоб москалю под душу нож.

Народ ограблен и унижен.
Христа замял наживы бес.
Страной на торжище бесстыжем
Торгуют оптом и вразвес.

Майдан, ослепнув, веселится,
Совсем не ведая о том,
Что в сердце каждого дымится
Отчизны гибельный разлом.

Предчувствие Поэта

Одушевляя ночь, исходит свет лучистый
Из тьмы, и над просторами страны
Сияют звёзды пламенно и чисто...
Как много их, так далеки они!

Но иногда мне кажется, что рядом
Пульсируют они, как будто ртуть.
И я слежу за ними ждущим взглядом,
Стараясь не мигнуть и не спугнуть.

И в тишине сияния ночного
Я верю, что пробьёт урочный час,
И прозвучит спасительное слово
Любви и правды и утешит нас.

Оно соткётся из крупинок света
И ярко вспыхнет письменами звёзд.
Я всей душой предчувствую Поэта,
Что над Россией встанет в полный рост,

Как отраженье божьего сиянья;
И падших, нас, услышит и узрит,
И чаянья народа, и страданья
Глаголом милосердным утолит.

Попутчик

Он разделил со мною свой итог
Познания скорбной правды человеческой.
Гудел вагон, состав шёл на восток,
Земля летела в темнотище вечной.

И с неживой гримасой на лице
Он говорил, что есть на свете мука
Всю жизнь с собой бороться, а в конце
Не занять пристанища и друга.

Что враг ему — язвительный язык,
А в людях много скрытых червоточин.
Но он упрям в суждениях, как штык,
И делаться покладистым не хочет.

Что мог бы на заглавных быть ролях,
Но скучно жить во всём стерильно чистым.
Душа не обижается никак
До повседневных и ходячих истин.

Что надоело добрым быть и злым,
И никаких желаний больше нету.
И вот, как будто гонятся за ним,
Он мечется без устали по свету.

Что вырванный из всех людских орбит,
Не ведая земного материнства,
Летит в бездонность, как метеорит,
Осколком человеческого единства.

Последний лист на древе жизни

Слетел, как будто лист опавший,
День с древа жизни навсегда.
И не вернуть мне свет вчерашний
Из тьмы былого никогда.

И пусть лепечет безмятежно
Густой листвы зелёный рой.
Но ровно в полночь, как и прежний,
Падёт листок очередной.

Редееет древа жизни крона,
Уносит время листья-дни.
В скрижаль судьбы мы поимённо
По воле божьей внесены.

И всяк, богатый или бедный,
Муж в цвете лет или старик,
На древе жизни лист последний
Увидит в свой предсмертный миг.

Он вспыхнет, словно Феникс-птица,
И превратится в пепел, дым.
И древо вновь омолодится
Огнём спасенья неземным.

* * *

Я умным быть устал,
Устал всё знать, всё видеть.
Отжаждал, отжелал
Любить и ненавидеть.

Я больше никогда
О счастье не взмечтаю.
Зачем мне суета,
Когда лишь шаг до краю?..

Над мной теряют власть
Вино, табак и золото.
И к размноженью страсть
Уже мне не отрада.

Я умным быть устал,
И отдохнуть желаю.
Книг много написал,
Но для кого — не знаю.

Лишь тускло, как сквозь дым,
Я помню день вчерашний.
Что был я крепостным
Литературной пашни.

Ворон

Сугробы тают, и в снежнице
Отражено сиянье дня.
Телок, как в зеркало, глядится
В большую лужу у плетня.

Гусак легко взмахнул крылами.
Кот точит когти о забор.
Случился между петухами
Мужской серьёзный разговор.

Весенним радуюсь просторам,
Поют скворцы на всё село.
И лишь на дубе старый ворон
Вокруг взирает тяжело.

Ему докучен шум весенний.
Он знает, всё это — тщета:
И ликованье песнопений,
И вокруг гнездовой суеты.

Он видел всякие эпохи.
И, оглядевшись, мудр и стар
На шум весенней суматохи
Обрушивает грозно: «Кар-р!»

* * *

Старая школа саманная,
Ивы над тихой рекой...
Даль временная, туманная,
Юность мою приоткрой.

Розовой дымкой окутаны
Дни, что душе не забыть.
Жизни узлы так запутаны,
Что остаётся — рубить!

Слышу я громы подспудные,
Всполохи вижу огня.
Дни беспощадные, судные,
Ждут и страну, и меня.

Сердце, объятое холодом,
Чует паденье во тьму.
Меж наковальной и молотом
Страшно не мне одному.

Раздолье осени

1

По просёлкам размытым,
По травам,
По дубравам,
Теряющим лист,
По лугам золотым,
По отавам—
Слышен зябкий пронзительный свист.

Это осень,
Почуяв раздолье,
В своеволие российском щедря,
Принесла в разноцветном подоле
И пустила на волю ветра.

И леса
В поредевшем убранстве,
И в пространстве озябшем
Звезда—
Всё в замедленном кружатся
Танце
Перед тем,
Как придут холода.

Октябрю не прикажешь,
 Чтоб вёл себя тихо,
 У него листовой и ветреный нрав.
 Началась суматоха,
 Неразбериха
 Ворвалась в золотые покои дубрав.

Закружилась, куражась,
 Листва, облетая,
 Не спеша на холодную землю прилечь.
 И душа
 То волнуется, то замирает
 От предчувствия
 Близких прощаний и встреч.

Всё придёт и уйдёт
 В нужный срок по порядку.
 На осенний разор
 Пышно лягут снега.
 И об этом
 Мальчонка напишет в тетрадку
 Робкой ломаной строчкой стиха.

В нём проснётся поэзия
 Русской природы,
 Как нежданный-негаданный
 Звонкий родник.
 И душа распахнёт
 Лучезарные своды,
 И подхватит течением русский язык.

«Ой и долог путь к человеку, люди...»

Павел Васильев

Под знойным ветром стелется пшеница.
 Пылит полынь... Щедр в июле степь.
 В ней всё, что ни посеяно, родится—
 И сорная трава, и сытный хлеб.

Земля одна. Возьми её в пригоршни—
 И ты узришь во тьме её ответ:
 Нет ничего степной полыни горче,
 И ничего вкуснее хлеба нет.

Земля одна. Но если приглядеться,
 Она таит начало всех начал.
 Не так ли поднимаются из сердца,
 Соседствуя, и радость, и печаль?

Не так ли из, казалось бы, святого
 Рождаются и подвиг, и порок?
 За жизнь мы столько делаем дурного,
 Что ведает про это только бог.

Мы в тот же час преступники и судьи,
 Одной рукой вершим добро и зло.
 Мы слабые умом и сердцем люди,
 К нам время Человека не пришло.

Юнцу

Ты повзрослеть спешишь?..
Не торопись, не надо.
Всему — свой срок,
Ведь глубина разлада
Меж тем, что ждёшь
И что увидишь ты
Тебе неведома.
Душа твоя, как поле,
А жизнь, как сад,
Где солнце и цветы,
Где, вольный,
Ты не знаешь цену воле...

Зачем тебе спешить во взрослость —
Не пойму?
Там воли нет душе,
Свободы нет уму.
И нет друзей —
Есть множество знакомых.
Жена — мегера.
Твой наследник — олух...

Юнец!
Ты простодушен, как подсолнух.
Ну что ж, дерзай,
И я тебя пойму.

Русский ковчег

В воде почившие деревья,
Церковный купол, ржавый крест —
Всё, что осталось от деревни,
Хозяйки прежних хлебных мест.

Живя в надежде и печали,
Она искала счастья брег.
Но к Арарату не причалил
Её бревенчатый ковчег.

Он встал у берега Заволжья
На сотни лет.
И русский люд
Здесь жил, как мог, по воле божьей
И уповал на честный труд.

И в чём деревня согрешила,
Мы не узнаем никогда.
Но всё Поволжье затопила
Гнилая, с зеленью, вода.

Ушли под воду избы, пашни...
Ушла крестьянская страна
Слезой безмолвной в день вчерашний.
И омертвела тишина.

Разум

Когда с гранитного обрыва
Обрушится
Скалы карниз,
Сначала медленно, лениво
Он путь свой начинает вниз.
Но с каждым мигом нарастает
Гул камнепада, всё быстрее
Он мчит, путей не разбирая,
Поток дробящихся камней!

Так Разум был един и целен,
Но человеческий прогресс
С благой для всех, наверно, целью
Его на нас низверг с небес.
С тех пор не стало в жизни лада.
И Разум рухнувшей скалой
Стремится в бездну камнепадом,
Всех погребая под собой.

Когда густеют сумерки

Когда густеют сумерки, и день
В прощальный раз вдали сверкнёт зарницей
Над знойными просторами, и лень
Деревьям и траве пошевелиться;

И крепко пахнет спелая полынь;
И тополя густые возле дома
Все от корней до трепетных вершин
Охватывает дрёмная истома;

И влажно блещут дальние миры,
И звёздные к земле несутся ливни;
И тонко запевают комары
Впотьмах свои воинственные гимны;

И мотыльки, слетаясь на огонь,
Толпятся возле лампочки с шуршаньем, —
Я в этот час молчу, опустошён
Тревогою и смутным ожиданьем.

Я понимаю, как я одинок
В огромности бессолнечного мира,
Какой мгновенный мне отпущен срок
Всё лицезреть, что бесконечно мило!

Уходит день, и с ним уходит прочь
Дневных сует случайное волненье.
Над миром тьма, но чем темнее ночь,
Тем ярче и ясней души горенье.

Слова, собой являя звёздный лик,
Выходят из безмолвья заточенья,
И жизнь моя, прозревшая на миг,
Полна тогда надежды и значенья.

* * *

Зашумела вода в переулке.
Тёмный снег у забора осел.
Тихим звоном упавшей сосульки
Колокольчик весны прозвенел.

Покатилось несмелое эхо
Над простором весенних полей.
Началась в перелеске потеха
Домовитых и важных грачей.

Шумный город на старых берёзах
Занят делом с зари до зари.
При холодных полуночных звёздах
Улетают от нас снегири.

Улетают...
А в полюшке светлом
На чернеющий пласт борозды
Тихий свет проливается пеплом
Отгоревшей далёкой звезды.

* * *

Бор вокруг озёрного ока
Бронзовой стражей стоит.
Чуткий камыш-недотрога
Ливнем от ветра шумит.

Пахнут сосновые иглы
Пылом июльского дня.
Снова раздумье настигло
На перепутье меня.

Свету и звуку внимая,
Знаю: всему есть свой срок.
Больше живу — меньше знаю,
Вот он печальный итог.

Что это: скука, усталость
Или надсадная блажь?
Что в моём сердце осталось
После утрат и покраж?

Где мои светлые дали
И беспечальные дни?
Иль навсегда запропали
В детстве далёком они?..

Возвращение

Снега, снега...
Ухабистый просёлок
Ведёт меня, усталого, домой
Сквозь плотные ряды зелёных ёлок,
Покрытых пышной сдобой снеговой.

Мороз, мороз...
В глазах мерцают искры.
За ельником — белейший березняк.
И лопается гулко, словно выстрел,
Земля от стужи жёсткой, как наждак.

Дымы, дымы...
В посёлке топят печи.
И высоко, сквозь сумрак голубой,
Дымы встают прямые, точно свечи,
И звёзды зажигают над землёй.

Огни, огни...
Приветные, родные,
Они сияют сквозь наплывы льда.
Здесь жизнь моя, судьба моя — Россия,
Печаль моя и радость навсегда.

* * *

Был дом в три окна, и рябина
Пред ним, как невеста, цвела.
Гордячка певунья-дивчина
Полвека тому здесь жила.

Был парень, над чубом кубанка,
Значок на груди «ГТО».
И пела, тоскуя, тальянка
Ночами у сердца его.

Война...
И в лихую годину
Стёр с белого света огонь
Чубатого парня, рябину,
Гордячку певунью-дивчину,
И дом в три окна и гармонь.

Воля есть, но на том берегу

Ветер мечется в гулком дворе,
Как слепец, натываясь на стены.
Есть тревога в осенней поре,
Ожиданье крутой перемены.

В дни невзгод, как бывало не раз,
Мы сомкнёмся друг с другом сердцами.
Станет зримой духовная связь,
Неразрывней родство между нами.

Наступил беспощадный расчёт,
Глядя в бездну, душа обмирает.
Совесть гложет сердца и гнетёт,
И людей к покаянью взывает.

Воля есть, но на том берегу,
И одна к ней дорога — сквозь муку.
И на белом как саван снегу
Все мы станем роднее друг другу.

Стихия

Вода идёт, высокая, большая.
Огрузнув от дождей, бурлит река.
И волны, друг на друга набегаю,
Упорно подмывают берега.

Пласт за пластом сползает в воду глина.
Вот рухнул тополь, корни вверх задрал.
Вот остров из кустарников и трав
Плывёт, кружась... И пенятся седины.

Над ними чаек суета и визг,
И лёт стрижей, мгновенно-острокрылый.
И лодку на волнах бросает вверх и вниз
Слепая расходившаяся сила.

Я в ней один. И, опалая дух,
Ревёт стихия весело и страшно.
Куда меня, взорвав покоя круг,
Несёт судьба слепая бесшабашно?

Не знаю я... Рассудок мой умолк,
И кажется, что я лечу, как птица.
Переживая ужас и восторг,
Душа в стихии жаждет раствориться.

Июль

Бесконечны июльские дали,
Невесом белый пух облаков.
И цветы, словно звёзды, упали
На весёлую зелень лугов.

Окружили на взгорке берёзы
Колдовской затенённый родник.
И гречишного мёда обозы
Пчёлы с гудом везут в свой тайник.

В тихом небе, ослепнув от зноя,
Чёрный коршун кругами парит.
И куда ни взгляни — всё живое,
Всё волнуется, дышит, звенит.

В поле яркок стрекоз танец бальный
По-над знойным цветением трав.
В родниковый колодец печально
Засмотрелся скрипучий журавль.

Пахнет срубом, вскипая, водица
В деревянной тяжёлой бадье.
Золотистые лучики-птицы
Во студёной играют воде.

И когда в предвечернюю алость
Поплывут облака надо мной
Хорошо смыть дневную усталость
И напиться воды ключевой.

И слышать на росной опушке,
Долгожданный в живой тишине,
Грустный счёт одинокой кукушки,
Сколько лет остаётся жить мне..

И увидеть, разлэгшись под стогом,
Как, сияя, глядят с высоты
Небосвода печально и строго
Звёзды, словно земные цветы.

* * *

Сад терзает всю ночь ливень с градом.
И во мраке мерещится мне,
Кто-то плачет и просит пощады,
Огоньками маяча в окне.

Выйду я на крыльцо. Непогода
Ослепит и закружит меня.
Позову: «Заходи!» Никого там —
Только ветер и тьма у плетня.

Никого... Только пенятся лужи,
И деревья тревожно шумят.
И по нитям дождя град жемчужин
Засыпает запущенный сад.

Постою и вернусь я в жилище.
Снова плач и мерцанье в окне.
Снова кто-то спасения ищет,
Продираясь сквозь бурю ко мне.

Друг иль просто нетрезвый прохожий,
Или зверь, словом, кто-то живой
Заблудился и выйти не может
Из слепой круговерти ночной.

Стансы

1

Нет, не найти мне воли и покоя,
Коль на роду написано иное.
Пылинкою в космической пыли
Неведомо к какой великой цели
Едва прозревший пасынок земли
Лечу я во вселенской карусели.

2

Нет, не найти мне воли и покоя,
Коль на исходе время мировое.
Нет больше всё спасающей любви
Людей к земле, а вольных птиц к простору.
Во всём царит свобода на крови —
Расчищен торный путь войне и морю.

3

Нет, не найти мне воли и покоя,
В эпоху просвещенного разбоя.
Погублен и расхищен город-сад,
И в оскорблённых душах злобно пусто.
Где стол был яств — там гроб мечты, и чад
Засалил пошлостью мозги людей и чувства.

4

Нет, не найти мне воли и покоя,
Но есть в душе измученной святое.
Как всякий русский на исходе дней
Я прозреваю сердцем, и в итоге
Мне снится сад, сад юности моей,
Откуда все мои пути-дороги.

Волчья осень

Бушует над землёю листовал,
Шумят ветра над волжскими откосами.
Я все приметы времени убрал
Из городской спешащей в зиму осени.

Я стёр сто лет из памяти совсем,
С их войнами, безумствами и скоростью,
Насильем государственных систем
И выжженной предательствами совестью.

Я выкорчевал напрочь имена,
Все муки, ожидания и пророчества...
Такая воцарилась тишина,
Что тянет волком взвять от одиночества.

Крещенское утро

Валентине Ищенко

Хрупнул снег в крепко сжатой ладони.
Пальцы жжёт холодком ледяным
Спят деревья, как белые кони
В куржаковый укутаны дым.

В небе звёздные гаснут крупницы.
И с востока, туманно горя,
Осторожною рыжей лисицей
Пробирается в тучах заря.

Свет крадётся по мягким седидам,
По навьюженным снежным буграм,
По нахоженным тропкам мышинным
По запутанным птичьим следам.

Луч скользнул по вершинам деревьев,
На заснеженной вспыхнул копне.
И в засыпанной снегом деревне
Отразился в морозном окне.

Сразу стало теплее в избёнке
Даже в лютый крещенский мороз.
И всевидяще глянул с иконки
В мою душу ребёнок Христос.

Надежда Рождества Христова.

Вновь проросла трава
Над старою травою.
Что ж, молодость права
Своею правотою.

Как ни сурова жизнь,
Но всё же справедлива.
Должно стремиться ввысь,
Что молодо и живо.

Но сердцу как принять,
Пожившему, седому,
Что нужно уступать
Тропу свою другому?

Но душу как унять?..
За временным порогом
Ей суждено страдать
До единенья с Богом.

Её терзает страх,
Она полна надеждой...
И мечется, как прах,
Над темнотою кромешной.

Жизнь облетает неслышно

С. Гайдукову

Ветер берёзы мотает.
Дни листопадные мглисты.
Лето моё облетает
С шумом печальным и чистым.

Осень встречать меня вышла.
Пахнет грибницею воздух.
Жизнь облетает неслышно,
Не возвратить её — поздно!

Вьётся вокруг невидимкой
Грусть, и душа несвободна.
Собственных свадебных снимков
Не узнаю я сегодня.

Где мои буйные кудри,
Где расставанья и встречи?
Это осеннее утро
Грустно похоже на вечер.

Ветер берёзы мотает,
В сумерках прячется солнце.
Лето моё облетает
И никогда не вернётся.

Из лета в зиму переправа

Из лета в зиму переправа —
Причалит осень к декабрю.
Засыплет снег траву-отаву,
Взобьёт перину снегирию.

И не забудет снегириху.
Рябины гроздья подсластит.
Меня заманчиво и тихо
На первоснежье пригласит.

Я выйду в сад, как день настанет,
Пройдусь по солнечной тропе.
И взор слезинка затуманит
Внезапной жалостью к себе.

И я в свой час усну под снегом,
И обращусь в ничтожный прах.
И лишь душа бессмертным эхом
Звучать останется в стихах.

* * *

Магазин уценённых вещей:
Груды мятых пальто и плащей,
Заскорузлая кожа ботинок,
Стопы с детства знакомых пластинок.

На конверте ржавеет пыльца,
И пластинка не знала иголки.
Запечатанный голос певца
Сорок лет пропылился на полке.

По сегодняшним меркам смешна
Позабывтая песенка эта.
Но — подумать — в свои времена
Погуляла по белому свету.

Ведь была же такая пора:
Под мотив незатейливый «Мишки»
Коротали свои вечера,
Танцевали девчонки, мальчишки.

Были коки и в дудку штаны,
Башмаки на толстенной резине.
Были песни. И где же они,
Уценённые временем, ныне?

Всё где-то решено

1

Износятся костюмы и штиблеты,
А что останется — сожрёт в потёмках моль.
Всё кончится — и радости, и беды,
И шум хмельной, и головная боль.

Не надо будет лгать и притворяться,
Таить заначку, улаживать подруг.
Всё кончится, коль начало кончатся,
Остынет голос, ослабеет слух.

Всё где-то решено.
Поставлен штампель
На дату отправленья в никуда.
И буду я уволен, словно дембель,
Но не в запас, а сразу навсегда.

2

В толпе нечаянный прохожий
Вдруг сходством поразит с другим,
Уже умершим, неживым,
Так, что проймёт всего до дрожи.

Глядишь — а он исчез как призрак.
Что это было — сон иль дым?
Напоминанья ль верный признак,
Что где-нибудь я встречу с ним?..

Воспоминание о романсе

Отдавши дань вину и суесловью,
Я вспомнил век романса золотой.
И вас люблю той трепетной любовью,
Какой влюблён был Пушкин молодой.

Я много лет мечтал о нашей встрече,
Чтоб вы явились из минувших дней.
Но лишь однажды мой печальный вечер
Вы озарили прелестью своей.

Я видел вас, вы были в белом платье.
Для нас одних звучал волшебный вальс.
Но не случилось трепетных объятий,
Ни потаённой переклички глаз.

И понял я, что вы меня не ждали,
Что ваше сердце занято другим.
В моей любви себя вы не узнали
И усмехнулись выдумкам моим.

Не обрести мне в вашем сердце славу:
Всё очерствил продажный новый век.
Мою любовь, как позднюю отаву,
Зальют дожди, засыплет мокрый снег.

Но будет жить в душе моей предвечной
Счастливым миг в чреде унылых дней,
Когда случайно мой печальный вечер
Вы озарили прелестью своей.

Тайна

Когда любовь меня оставит,
Остынет сердце, вымрет чувство,
Мой трезвый ум лишь позабавит
Кокетства женского искусство.

Роман развеется случайный,
Бесследно канет в жизни прошлой.
И то, что нам казалось тайной,
Закончится обманом пошлым.

Я всё забыл...
Но вот сегодня
Приснился мне закат кровавый,
И будто я схожу по сходням
К своей последней переправе.

Она пылала и дымилась
Расплавом огненно-железным.
Но вдруг ступенька подломилась,
И я готов был рухнуть в бездну.

Меня всего одно мгновенье
От преисподней отделяло,
Но ты, явившись из забвенья,
Меня на кромке удержала.

И понял я, что совесть тайно
Господним страхом душу лечит.
Совсем не пошлой, не случайной
Была когда-то наша встреча.

Две гвоздики

Я помню скуку дней ненастных,
Дождинок россыпь на стекле,
И две гвоздики жарко-красных
В хрустальной вазе на столе.

Ночь обещала быть морозной.
Поникших в инеовой пыли,
Я их сорвал...
И в муке слёзной
Они от хлада отошли.

Одна — моя. Твоя — другая,
Хоть нет тебя давно со мной.
Ожив, они напоминают,
Про то, как счастлив был с тобой.

И пусть тревожно завывает
Ненастье, сотрясая дом,
Покойно мне: цветы мерцают
Живым и трепетным огнём.

От них июльским веет зноем
Моя рабочая тетрадь.
И лишь про близкое, родное
Душа способна вспоминать.

Любимых тени, близких лики
Плывут в затейливой игре,
Пока мерцают две гвоздики
На стихотворном алтаре.

Встреча

Я не выдумал вас — вы живая.
Из безумной сумятицы дней
Вы явились, влюблённо сияя,
Как души отраженье моей.

Наша встреча продлилась мгновенье.
В разноликом кипенье толпы,
Не коснувшись друг друга, как тени,
Разошлись мы по воле судьбы.

Я искал вас. Надежду на встречу
Не утратил, живя суетой.
И ваш образ в разлуке сердечной
Не завял, не подёрнулся мглой.

И недавно мне было виденье:
В свете, что воссиял из окна,
Предо мною, всего на мгновенье,
Вы соткались из яви и сна.

Я окно распахнул. Над оградой
Чья-то жизнь закатилась звездой.
Помню запах цветущего сада,
Росный след на траве молодой.

Я не выдумал вас — вы живая.
Из безумной сумятицы дней
Вы явились, влюблённо сияя,
Как души отраженье моей.

Второе рождение

О чём жалеть, коль жизнь пошла на слом
И стала походить на злую шутку?..
Покинув навсегда постылый дом,
Я тормознул спешащую попутку

— Куда тебя подбросить?

— В никуда.

— Тогда садись, расплата по прибытию.

И мы помчались сквозь мерцанье льда,
Пути не выбирая, по наитью.

Чтоб ехать так, не надо и колёс.

Мотор заглох, но скорость нарастала.

Мы ввысь пошли на свет морозных звёзд.

Душа от высоты затрепетала.

— Эх, будь, что будет! — я сказал себе. —

Жизнь пронеслась, как в чистом поле вьюга.

Но срок пришёл, как видно, и тебе

Шагнуть за кромку временного круга.

Все в мире остановятся часы,

Все разом сгинут радости и боли.

И невесомой капелькой росы

Ты упадёшь на вспаханное поле.

Красота

В музейной тишине, где вечность спит,
Зевая смущая исполинским ростом,
Подъятый на дыбы, оскалившись, стоит
Доледниковой твари костный остов.

Я вижу в нём первосуществ эскиз,
В останках, чудом избежавших тленья,
Так непохожийх на зверей и птиц,
Что вызвал к жизни Бог во дни творенья.

И сей скелет, и рядом позвонки —
Не более чем творчества отходы
Природы — пробы и черновики,
Следы её исканий и работы.

Природа воплотила Божью мысль
О совершенстве. Всё иное — стёрто.
Остался Красоты неизречённый смысл
И таинство беззвучного аккорда.

* * *

Жизнь — занятие вредное
Для здоровья и совести.
Судьба моя непобедная —
Сюжет для печальной повести.

Тяжёлые дни бывают,
Унылые, тягомотные.
На душу тоска налегает,
Как одеяло потное.

Грешен в унынии — каюсь.
Весь, от подошв и до темени,
Я колочусь и маюсь
Рыбой об лёд безвременья.

Господи, дай мне силы
В грязных сумерках буден
Не проклинать, что было,
Всё привечать, что будет.

Птичий двор

Что за шум разразился на птичьём дворе
Суматоха, и пенье, и ругань!
Старый пёс затаился в своей конуре
И, бедняга, дрожит от испуга.

Уж спесива на что петушина знать,
Но и та расходилась так мощно.
И на кур вдруг напала охота летать,
Раскудахтались, крылья топорщат.

Вспыхнул порохом дерзкий куриный мятеж.
Но зачем им летать, посудите:
Корм сегодня в кормушки засыпан и свеж,
И вода не иссякла в корыте.

Клюй оттуда, кудахтай, что хочешь, несись,
На лодыжках наращивай мясо.
Так ведь нет, захотелось куда-то им ввысь,
Жаждут в жизни своей перетряса.

* * *

Всё пройдёт, но ведь что-то останется.
В чём-то я до конца не умру.
И душа моя, вечная странница,
Новой жизни увидит зарю.

Но в краю, где нет места печали,
Не утешат её соловьи.
И она позабудет, едва ли,
Про грехи и мытарства свои.

Там, где нет ни пространства, ни времени,
Где начала всему и итог,
О своём человеческом семени
Молвит слово прощения Бог.

* * *

Туман предосенний и плавный
Слоится, струится к окну.
Роса выступает на ставнях.
Листва стережёт тишину.

Вдруг звёздочка, вспыхнув, погасла.
Погасла и вспыхнула всё ж...
Так с чем ты, душа, не согласна,
О чём, протестуя, поёшь?

Наверно, тебе не по нраву,
Что лето идёт на ущерб.
И выстудит ветер отаву.
И листья осыплются с верб.

Наверно, тебя, недотрогу,
Печалит осенняя блажь.
И ты, собираясь в дорогу,
Теперь мне покоя не дашь.

Ты хочешь, чтоб верил я слепо
В счастливый неведомый край.
Но ты опоздала на небо
И землю любить привыкай.

Ворона

Заиграла вдруг солнца корона.
Окна убраны кружевом льда.
Что грустишь, городская ворона?
Иль круты на Руси холода?

Тропка хрупнет ледовой коростой —
Ты сторожко качнёшь головой.
Я всего лишь упрямый подросток
Перед вещей старухой, тобой.

Мне всю жизнь по душе русский холод,
Только вечно во льду жить нельзя.
Расскажи, как попала ты в город
Из деревни, что вымерла вся?..

Заросли лебедой пепелища.
Был наш век беспощадно жесток.
В незасыпанных рвах, на кладбищах,
На костях пиновала ты впрок.

Помнишь грохот обвальный расстрела,
Свой горластый испуганный крик?..
Ты во многие очи глядела
Перед тем, как повыклевать их.

И теперь на позёмку устало
Ты глядишь, потеряв свою прыть.
Очень много бы ты рассказала,
Если б только могла говорить.

Новый год

Без грусти проводил
И без надежды встретил
Я временную дату.
Новый год
Давно меня не трогает как праздник.
Лишь иногда забавно мне смотреть
На пляшущих людей, игрушки, ёлки...
Притворна радость взрослых,
Только дети ещё поверить могут в волшебство.
И то не все. Ведь много и таких,
Чьи души сразу омертвляет старость.

Мечтатель

Двор завален — жестянки и палки,
Трубы, шланги, с «ижа» колесо.
Все вороны, наверно, на свалке
Знают плотника Федю в лицо.

А изба на фасад покосилась,
Чуть толкни — и поедет в овраг.
Но жена не кричит — отступилась,
Не исправить ей мужа никак.

Нет усердней его книгочая,
Нет проблемы, какой он не знал.
Мужикам про комету Галлея
Он до тонкостей всё рассказал.

Вечно что-то строгают и пилит,
Примеряет завязки к плечу.
Говорит: вот лишь сделаю крылья
И от вас насовсем улечу.

Улетел бы, забрав только книжки,
На высоких парил виражах.
Но в отца уцепились мальчишки,
Крепко держат его за пиджак.

* * *

Не будем, друг, вести подсчёты дней,
Кто знает, сколько их ещё осталось.
А в жизни всё и проще, и трудней,
Чем нам когда-то в юности казалось.

Мы обещаньям верили тогда,
И думали, что счастье грянет скоро.
Ушли во тьму и люди, и года,
Кострами отпылали наши споры.

Другую обживает сердце даль.
Другие споры закипают рьяно.
А мне минувших лет до боли жаль,
Их милого, счастливого обмана.

Волга

Волга!..
Слышится вольная воля
В этом имени, светлом навек.
И какая б ни выпала доля,
Будет помнить о ней человек:
Быстрину, и тишайшие плесы,
И простор её вспененных вод,
И раздольные песни,
И слёзы,
И веками гонимый народ.

Будет помнить о ней,
Величавой,
Всю Россию вместившей в себя.
С пугачёвской и разинской славой
Обвенчала стихию судьба.

Беспокойны глубины седые,
Ветер мчит, обжигая свеж.
Здесь — исконные крепости России.
Здесь, на Волге, — последний рубеж.

* * *

День опять то сияет, то хмурится.
Вспыхнул иней на жёлтой траве.
Отцвели на ульяновских улицах
Колокольчики летних кафе.

С Волги тянет туманом и холодом,
Волны мечутся, как в забытьи.
Осень бродит по улицам города
И наводит порядки свои.

На бульварах деревья развенчаны,
И сочтены по улицам студь.
Осень, ты — невесёлая женщина,
Бабье лето твоё не вернуть.

Я люблю это время печальное
Обретений и скорых утрат.
Скоро выпадут снега венчальные
И мой город с зимой обручат.

Снег душу молодит

Снег душу молодит и освежает память
Волнующей ознобной белизной.
И время вспомнить, что случилось с нами,
На том пути, что мы прошли с тобой.

Сначала весел, а затем печален,
Он выпал нам, не спрашивая нас.
Чертополох, полынь среди развалин
Былых надежд узрели мы сейчас.

Вокруг, сверкая, пряди снега выются,
Как отсветы пожара и войны.
Не возвратить, а трезво оглянуться
На прошлое сегодня мы должны.

Оцепенев над пропастью обрыва,
Утратили мы русской жизни суть.
И стали трусоваты, жадны, лживы,
В надменности ничтожны и кичливы...
И всякий норовит нас, жалких, пнуть.

Нам не взлететь — мы потеряли крылья.
Почти за каждым тянется послед
Предательства. Мы правде изменили,
И божьей и людской.
И нам прощенья нет.

Снег душу молодит и освежает память
Волнующей ознобной белизной.
И время вспомнить, что случилось с нами,
На том пути, что мы прошли с тобой.

* * *

Давай поговорим о звёздах.
О звёздах помечтаем вслух,
Пока понять ещё не поздно
Их величавый мощный дух.

Но не о тех, что светят рядом
Во тьме ночной, как блёстки льда.
Есть незапятнанная взглядом
Одна для всех людей звезда.

Она сияет в высших сферах,
Волнуя души и умы.
В неё мы верим и не верим,
Как в рай, покинутый людьми.

Нас разделяет тьма и вечность,
Которых мыслью не пронзить:
Ведь мы не в силах бесконечность
В свой ум практический вместить.

Для нас звезда ещё не светит,
Но звёздный свет давно в пути.
Его увидят наши дети.
А нам с ума бы не сойти.

* * *

Салон ритуальных услуг.
Всегда с десяти и до двух —
Кучкуются здесь оркестранты,
Известные в прошлом таланты.

Былые властители рока,
Тузы ресторанных эстрад
Спились и теперь одиноко
Под старой осиной стоят.

Ударники, альты и бас —
Все ждут похоронной работы,
Им нечего делать сейчас,
И травят они анекдоты.

Когда-то они для живых
Весёлые танцы играли.
Сегодня остались для них
Лишь марши прощальной печали.

Работы хватает для всех.
Кладбище — просторная сцена.
Они доживают свой век
Под скорбные звуки Шопена.

* * *

Бродячий пёс,
Бродячий пёс —
Мишень пинков и палок,
Ты волочишь свой грязный хвост,
И голоден, и жалок.

Никто тебя не позовёт
Кататься в масле — сыре.
Никто тебя не подберёт,
Не поместит в квартире.

Один конец твоей судьбе
Предрёк бы я, но знаю,
Что все, подобные тебе,
Свою находят стаю.

После отчаянной грызни
За падаль,
Может статься,
Ты перестанешь, чёрт возьми,
Совсем людей бояться!

Ты нападать из темноты
Приобретёшь обычай.
И на двуногих будешь ты
Смотреть как на добычу.

Кот Михаил

Пролеживая кресло целый день,
Всегда он мрачен. Разлита незримо
В его повадках царственная лень
Патриция времён распада Рима.

Он совершенен. Грация и спесь,
Мощь и покорность в нём живут, играя.
Он в глубине души лелеет месть,
Когда в подушку когти запускает.

Нахмуясь, терпит ласку, и ладонь
Шершавым языком, мурлыча, лижет.
То чёрно — голубой, то бело — рыжий
В глазах его свирепствует огонь.

Загадочен, как жизни первый вздох,
Он смотрит на меня угрюмым взглядом.
Он сам себе во всём судья и бог.
Наставников, как мне, ему не надо.

Весны начало

Агаме

Сверкает облака излом,
Как пласт морозной соли.
Кричат вороны за селом
В пустом и гулком поле.

Сквозь редкий тощий березняк
Просвечивают ели.
Ещё не тронут спящий злак
Щекоткою капели.

Но разыгрался ясный день,
И солнце жарко дышит.
Отпотевают свежий пень,
И снег съезжает с крыши.

В саду у каждого куста
Следов сорочьих строчки.
И клейкой зеленью листа
Заряжены все почки.

Заметно стали дни длинней,
Живётся легче птицам.
Вчера напился воробей
Из козьего копытца.

И первый раз заворковал
Вокруг голубки голубь.
Июлем пахнет сеновал.
Морозом дышит прорубь.

И полынья, дымясь во льдах,
Качает солнце в зыбке.
Резвятся «зайчики» впотьмах,
Как золотые рыбки.

Сияет лучик на полу
И забавляет кошку.
И мальчик выдумал игру —
Поймать его в ладошку.

Схватил разок — не горячо.
Схватил другой — и мимо.
Пусть подрастёт весна, ещё
Она неуловима.

* * *

Ледок в два пальца толщиной
Скрипит и гнётся под ногой,
И трещины бегут кругами...

Над жёлтыми степными берегами
Сияет день морозный. И когда
Под светлым льдом зелёная вода,
Замёрзший воздух в хрупкой корке льда
Переливаются, играют быстрым светом,
То радужно-тепло, как будто летом,
Река насквозь просвечена до дна.
На дне коряга чёрная видна.
И лёгкая подлёдная волна
Чуть-чуть вокруг неё траву колышет,
И рядом щука замерла, не дышит...

Но вдруг подует ветерок колючий,
И набегут взлохмаченные тучи.
И с берега, откуда ни возмись,
Промчит позёмка стайей белых лис.

Приятно душу освежить ознобом
И под метелью белой, пуховой
Идти домой по молодым сугробам
С весёлой просветлённой головой.

Кукла

Заблудилась девочка в лесу.
Водит её, кружит путь незрячий.
На пенёк присела, горько плачет —
Одиноко, страшно ей в грозу.

В чёрном небе гром зарокотал —
Прыснули расплавленные стрелы.
И упал воды тяжёлый вал
На лесные мрачные пределы.

Не сыскать в лесу пути впотьмах,
Разболелась ноженька, опухла.
Прикорнула тряпочная кукла
На озябших тоненьких руках.

Влажным паром тянет от земли,
Чудищами дыбятся корни.
Филин пучит жёлтые нули
Нестерпимо яркого горенья.

— Я тебя от всех обороню,
Волки подойти к нам не посмеют.
Я тебя укрою и согрею,
Не пугайся, баюшки-баю...

Девочка всю ночь сидит без сна,
Старой кукле что-то шепчет страстно.
Кукла терпелива и безгласна.
Боль и страх не ведает она.

Баня

Зарастая горячей крапивой,
Лопухами и коноплём,
Притулилась она молчаливо
К пряслу грубой и чёрной стеной.

После тяжкой таёжной работы,
На которую гнал сельсовет,
Возвернувшись под вечер в субботу,
Довольнёшенько вскрывал дед:

— Эх, попаримся нониче в баньке,
Погоняем таёжную вошь!..

И по кругу ходил ванькой-встанькой
В закопчённом чану медный ковш.
И летал, словно ястреб, веник.
И ходил ходуном полоч.

— Попрошу у старухи денег,
Можа, старая даст на «четок».

Ну куда ж ей деваться?.. Со стоном
Бабка скомканные рубли
Доставала из-за иконы,
И мы с дедом к сельмагу шли.

Приосанившись для порядку,
Дед степенно входил на крыльцо.
Покупал четвертинку — с устатку,
А на сдачу — мне леденцов.

Захмелев, дед отчаянно хвастал,
Кулаком бил по гулкой груди:
— Кто в работе ловчее нас-то?..
Мужика с земли не свести!

В нём на миг просыпалась сила
Колесованного бунтаря.
И в висках табуном ходила
Кровь тяжёлая, как земля.

Баллада о кедре

Гудит тайга зелёной крышей,
И гул встает из глуби недр...
И всех других деревьев выше
Гудел струной басовый кедр.

Первейший бас в могучем хоре,
Где в подголосках сосняки,
Стоял он мощно на угоре
В предгрозовом чаду тайга.

Гроза в свинцово-сизой пасти
Летучий нежила огонь.
Тайга, предчувствуя ненастье,
Умолкла. Пел один лишь он.

Секрет бессмертья, что ли, вызнав,
Он пел в горячечном бреду,
Как будто был погибнуть призван
У мелколосья на виду.

И небо вдруг зарокотало,
И в потемневшем свете дня
В поющий кедр метнуло жало
Молниеносного огня.

Не пролетело пламя мимо.
Как будто лопнула струна.
Взметнулся столб огня и дыма,
И воцарилась тишина.

Тополь

В питомнике, в детсаде для деревьев,
Он не бывал.
Забили в землю кол,
Чтоб он окорневел, и в рост пошёл,
И зашумел зелёной шапкой перьев.

И он прижился.
Минула зима.
И пролетело ливневое лето.
Со временем вокруг выросли дома
И заслонили тополёк от света.

И он рванулся ввысь из тени их,
Ствол изогнул и выбрался под солнце.
Заматерел, и россыпь золотых
С него летела осенью червонцев.

Но век таков, что нету никого,
Кто без надзора должного остался.
И скоро в «Зеленстрое» для него
Усердный воспитатель отыскался.

И тополь исправляли много лет:
Пилили, обрубали, подрезали...
Остался голый ствол в закусах стали,
На нём давно живого места нет.

И только там, куда не дотянулись,
На самой верхотуре жив побег.
Стоит на перекрёстке дымных улиц,
Как потерявший память человек.

Лось в городе

Его к дороге выйти подтолкнул
Пьянящий запах гари и бензина.
Вдруг тормознула рядом с ним машина.
По морде свет, как бритва, полоснул.

И лось рванул не в сторону чащоб,
А с перепуга бег направил в город.
Стучало сердце гулко, словно молот,
Когда крушил он смёрзшийся сугроб.

И вдоль заборов дачных и столбов
Лось мчался, потеряв чутьё в запале.
Рассвет застал его в пустом квартале
Среди угрюмо вздыбленных домов.

Струился невесомый снежный пух.
Тускнели, гасли звёзды в полумраке.
И по углам попрятавшись, собаки
Побрёхивали на звериный дух.

Белёсый иней стыл на городье,
И утренний ледок трещал морозно.
И лось стоял как памятник себе,
В испарине густой, живая бронза.

Крылья

(1958, полевой аэродром на северной окраине Омска)

— Вставай!
В углу рыдала мать.
Стоял отец, угрюм и бледен.
Начался шмон.
А что искать?..
Я был для родины безвреден.
Я бредил небом в те года.
Меня все прочили в пилоты.
Но в это утро навсегда
Мои закончились полёты.
— Ошибка, может быть? —
Отец
Спросил у них, слова ломая.
Ответ ударил, как свинец:
— У нас ошибок не бывает!
Что был им я, слепой щенок,
Влюблённый в асов и поэтов?
Меня толкнули в «воронок»,
Ткнув под лопатку пистолетом.
Я в сумрак мёртвый и седой
Был запечатан одиночки...

Смотри! Смотри! Опять седьмой
Без подготовки крутит «бочки»!
Я посмотрел:
Над головой
Набито было небо громом,
И «як» серебряной стрелой,
Крутятся, шёл над аэродромом.

Мы восседали на бугре.
Дымилась степь пыльной пылью.
И друг завидовал игре
Паривших над землёю крыльев.

— В аэроклубе прежних дней
Был у меня приятель Вовик.
И он сказал в кругу друзей,
Что выше всех летает «Боинг».
Так он врагом народа стал.
И мне нашли судьбу под солнцем.
Как малолетку, трибунал
Меня пометил лишь «червонцем».

Мы шли по полю.
Жар земли
Смешался с пыльной сухью всходов.
Бурьяна стебли проросли
В ржавь отлетающих самолётов.
Бригада молодых парней
Металлолом грузила краном.
Трава трещала,
От корней
Зияли на суглинке раны.
И запах, стойкий и густой,
Струился богородской травки.
— А мне, с изломанной судьбой,
Уж не поможет переплавка.
Я — вторсырьё эпохи зла.
Машиной страха и насилия
По мне история прошла
И отдала напрочь крылья...

День жарко выгорал, отцвёл.
Настал вечерний час покоя.
И золотые капли пчёл
Текли, звеня, сквозь стену зноя.
Земля устала ждать грозу.
Взрывался пухом одуванчик.
Держа за крылья стрекозу,
Навстречу шёл весёлый мальчик.
Он шёл и не глядел на нас,
Ступая по земле горячей.
О, как он рад был в этот час
Своей охотничьей удаче!
В глазах — улыбчивая синь.
Струилась чёлка золотая.
И пахла горечью полынь,
До слёз мне горло обжигая.

Узник

За стеной, шепелявя, бормочет
Тёплый дождь, умывая зарю.
Ветки нянчат набухшие почки,
Зыбки новой листвы, на ветру.

Свежей зеленью вспыхнуло поле
В голубой закурившейся мгле.
Всем открылась счастливая доля,
Кто живёт на весенней земле.

Всем она от души и влюблённо
Открывает зовущий простор.
Даже узник в могиле бетонной
Забывает про свой приговор.

Свистнет ласточка, луч трепыхнётся,
Словно жёлтый птенец, на стене.
В темнотище глухого колодца
Человек грустит о весне.

Вспомнит он шум дождя молодого,
Тёплый свет распустившихся лип.
Тихо звякнут стальные оковы,
Перехватит гортань горький хрип.

За стеной, золотистый, как улей,
День весенний в родимом краю,
Где, как бабочки, листья вспорхнули,
С тёплых почек стряхнув чешую.

Архив

Пустынная глухая тишина,
В которой, вспыхнув, сразу гаснет слово.
Здесь память прошлых лет заточена
В бумажные и пыльные оковы.

До потолка взметнулись стеллажи.
На них безгласно истлевают строки—
Свидетели былых страстей души
И потрясений пройденной эпохи.

Здесь накопились мириады слов,
Утративших былую полновесность.
И прошлого живую плоть и кровь
Сокрыла от потомков неизвестность.

Каких бумаг на полках только нет!
Чтоб их прочесть, нужны века работы.
Подшивки пожелтевшие газет.
И пленумов бесстрастные отчёты...

Но не заполнен до конца этаж.
Есть место и для новых поступлений.
И плотники монтируют стеллаж
Для болтовни живущих поколений.

Павел Васильев

Ветер улиц московских шумит беззаботно в кудрях.
В голове бродят вольные, шальные мысли.
Двадцать семь. Что поэту погони и страх?..
Ведь влюблённое сердце инфаркты ещё не прогрызли.

Шепотки по углам — этот взят, а того уже нет.
И портреты вождя в тиражах миллионных.
Замолчать бы ему, но не может поэт
Быть безмолвным, когда поколению больно.

Стих ещё не отлит для надгробий другим.
И Васильев живёт ожиданием и верой.
Подровняй, парикмахер, лирический нимб,
Нет в столице шикарней его кавалера!

Эти алые губы, и кудри, и брови вразброс
Будут долго кому-нибудь сниться ночами.
Он не знает ещё, что уже покатила вразнос
Жизнь, и судьба решена палачами.

Шантрапа за окном, шухеря, заорала: «Атас!»
Двое встали с боков, на прицеле держа элемента.
— Прекращай, парикмахер, услужливый вальс,
Есть кому и у нас твоего доработать клиента.

И на каменный пол забубенные кудри текли.
И на чёрных столешницах чёрные перья скрипели.
В прах мололи допросы поэта — соль русской земли.
И в бетонных мешках умоляли судьбу о расстреле.

Повели и его с болью вечного Бога в глазах.
И свело над курком палача намозоленный палец.
И приподняло выстрелом тело поэта впотьмах.
И душа содрогнулась, к заветной звезде устремляясь.

Скульпторы

А. Клюеву

Патина времени лежит на каждой строчке
Кирпичной кладки. Гулкий грязный двор,
Летучий мусор, под соленья бочки,
Гараж чиновной фирмы. И забор.
За ним завалы гипса и бетона,
Ржавь арматуры и скульптурный хлам.
Под мастерские отдан старый храм.
Он потемнел, как древняя икона,
От времени и треснул пополам.

Три скульптора сидят во тьме подвала
Вокруг пенька. Один — угрюм и рыж,
Как будто весь проржавел, он бывалый
Лепила глины. Рядом — юный стриж,
Из институтской выпорхнувший клетки.
Он крутит ус и делает заметки,
Не объегоришь, мол, меня — шалишь!

А третий — мэтр. Его творений тонны
Забили двор, ломаясь на куски.
Он — шахматист. Купил себе кальсоны
Все сплошь с рисунком шахматной доски.

Сидят и пьют отчаянно, по-русски —
Из одного стакана, без закуски.

Заводят речи. Мастерство... шабашки...
Слова мелькают, будто жала змей.
Все трое, в глубине души своей,
Великие, а прочие — букашки.

От водки бронзовея тяжёло,
Они глядят вокруг себя, как рыбы.
Не видя, что в оконное стекло
Спустились с неба облачные глыбы.

В сыром подвале загустевший мрак
Набит скульптурой. Головы, фигуры —
Горения души застывший в гипсе знак,
Блеск гениальности и нищета халтуры,
Следы умершей и живой природы —
На невесёлый пьяный кавардак,
На мастеров со стен взирают хмуρο.

Ночь до утра разводит их пути.
Кого-то ждёт душевная подруга.
Кого-то ищут тёща и супруга.
Кому-то просто некуда идти,
И он добавить захотел немножко,
Обходит все весёлые места.
А после в вытрезвителе звезда
Подмигивает в грязное окошко...

Их утром ждёт борьба самих с собой,
Печали век и радости мгновенья.
Работай, мастер, чтоб вокруг толпой
Окаменели всплески вдохновенья!

* * *

Всех тянет на улицу — март!
На взгорке оттаявшем сухо.
Спешит ребяшня из-за парт
Встречать птиц, вернувшихся с юга.

У марта в глазах огоньки
Сверкающих луж и проталин.
Вприщурку глядят старики
На солнце с нагретых завалин.

Как баня, нагретый хлеб
Стоит нараспашку и парит.
Суббота. У всех свежий хлеб,
Всех мамы краюшкой одарят.

По-птичьи рубанок свистит.
Запаклен и поднят скворечник.
И пухом цыплячьим сквозит
Ивняк, распускаясь, у речки.

В овраге ручей-снегоступ
Сугробы тяжёлые рушит.
И зелен лесок на просвет,
И золотом плещутся лужи.

Праздники

Я радовался праздникам бывало,
С надеждой к ним стремился, торопил.
Восторженное сердце ликовало
От фейерверков и знамённых крыл.

Теперь былая радость притушилась.
Спокойно я смотрю на суету.
И ничего как будто не случилось,
Но я с волнением праздники не жду.

Они уже нежданная награда,
Не пряник с материнского стола.
Нет юного всеверящего взгляда
На жизнь, что так порою круто жгла.

Я становлюсь трезвее год от году,
Таким, каким мне все желали стать.
И праздники похожи на работу,
Которую я должен отбывать.

* * *

Не говори мне слов полезной лжи,
Что жизнь трудна, но скоро станет легче
Дышаться и любить — нам не уменьшить
Зла на земле, не излечить души.
Со мной, счастливцев, спорить не спеши.

Мы все больны давно и безнадежно
Любовью разрушительной к себе.
Мы этой не противимся судьбе,
Её путём все следуем поспешно
И оправдания ищем злу, конечно.

Слов паутина, фразы кружева
Нам часто заслоняют суть явления.
Чем грамотней, смыслёней поколенья,
Тем ярче пустоцветные слова,
И совесть спит, и правда не жива.

Поменьше бы речей, пора б уйти в молчанье,
Пора нагим предстать перед собой,
Таким, как есть, и в тишине святой
Услышать сердца чистое звучанье,
И правду о себе узнать без содроганья.

* * *

Они от нас отходят понемногу,
Взрослея угловато,
Отстраняясь
От наших ласк, забот...
И слава богу,
Что дети вырастают, наша завязь.

Но всё равно в душе у нас тревога.
Как сложится их жизнь?
Какими станут?..
И мним, что будут легче их дороги,
Что сбудутся надежды, не обманут.

За каждый шаг волнуемся до дрожи.
Подлётывши...
Кто верный путь подскажет?
И маемся:
Обидно так похожи
Метанья и ошибки их на наши.

Взросления нелёгкок горький опыт,
Но вить своё гнездо необходимо.
И робкий протестующий наш ропот
Их не удержит,
Чистых и любимых.

Волк

Оголодав к исходу февраля,
Что в пасти даже вой застрял оглоблей,
Он вышел из дубравы на поля
Мосластой шаткой тенью вислолобой.

Под лапами хрустел колючий наст.
В логах клубился загустевший холод.
К жилью людей в ночной сторожкий час
Его толкнул нутро сосущий голод.

Когда дороги вздувшийся рубец
Пахнул ему горячим мясом в ноздри,
Вломился волку в голову свинец,
И рухнули на снег ночные звёзды.

Машина встала. Осветила мрак.
И на бурьяне заблистали искры.
И смерть зажгла свечу в глазах.
Горящую безжизненно и льдисто.

* * *

Восторги радио, победный всплеск газет,
Улыбки комментаторов речистых.
Конечно, мы — творцы и оптимисты,
И веруем в добро, в том спору нет.

Но каждое явление состоит
Из двух сторон. Мы часто забываем,
Что есть ещё другая, теневая.
И не одно лишь золото блестит.

В том, кто велик, и кто убого мелок,
Нетрудно ошибиться в век подделок,
Когда тебе навязывают ложь
И уверяют, что ты так хорош.

Нас часто поражает слепота,
Хоть ясно всё, и все мы, вроде, зрячи.
И эта в поколении черта
О многом говорит и много значит.

Как слабо мы противимся тому,
Что нагло врёт оратор бестолковый.
Мы рьяно аплодируем ему,
Хотя ни одному не верим слову.

На Свяге

Дни всё туманней, всё безвидней.
Всё жальче, всё пустынной даль.
Всё безнадежней, всё обидней
Вокруг осенняя печаль.

Листва всё суше, всё прозрачней.
Леса всё тише, всё бледней.
Всё ниже солнце, всё незрячей,
Всё глуше полночь, всё темней.

Всё бесшабашней ветер пряткий
Шумливо шастает в саду.
И лист, свернувшийся улиткой,
Летит по молодому льду.

* * *

Нежданно, тихо рассвело.
От снега выпавшего, что ли,
В моей душе светлым — светло,
Как будто в оснеженном поле.

Восходит свет берестяной,
Струится нежный и глубокий.
Как рукавичкой шерстяной,
Свежо морозец гладит щёки.

И будто в первый раз, я вдруг
Увидел речку, луг и поле,
И горизонта зыбкий круг,
И даль, где чудится мне воля.

Подводник

День быть сулил погожим.
Краснорожий
Багровольсый флотский отставник
Стакан водяры хряпнул и приник
Ноздрей к сукну потёртого мундира.
И ни в одном глазу. Всё радужно и мило.

Ещё недавно на своей подлодке
Он яростно скучал без баб и водки —
Скрипел зубами и подушку грыз,
Балдея от журнальных обнажёнок.
Уволился и разгулялся вдрызг.
Всех перещупал бойких разведёнок.

Осенняя гроза

Пугая близкие морозы,
Гремит гроза.
И молний жёлтые стрекозы
Летят в глаза.

Тревожно, сумрачно в гостиной,
В саду темно.
И капли кожей гусиной
Знобят окно.

Вода шумит по водостокам
В последний раз.
Смывает ливень за порогом
Все листья в грязь.

Сминает ветер, дождь смывает
В саду цветы.
И всполохи грозы витают
Средь темноты.

И грома медные аккорды.
И молний блеск.
Последний раз из недр природы
Гремит оркестр.

* * *

Осенних отлётов поспешность,
Печные дымы и дома.
Здравствуйте, ваша снежность
Симбирянка — зима!

Скоро ль придут морозы,
Снежная грянет тьма?
Что припозднились обозы,
Симбирянка — зима?

Снегом пушистым и ярким
Наполни свои закрома.
Ждёт ребяшня подарков,
Симбирянка — зима!

Ждёт ребяшня игрушек,
Дивных твоих щедрот—
Снеговиков и катушек,
Звонкий повсюду лёд!

Костёр

Полночь наступает—
Поздняя пора.
Угли догорают
Моего костра.

Как пылал он ярко
Рано поутру!
Как дышал он жарко
Даже ввечеру!

Был костёр, как петел,
С гребнем золотым.
Остывает пепел,
Вьётся горький дым.

Искорка взлетела—
Всколыхнулась твердь.
Жизнь моя сгорела—
Стоит ли жалеть...

* * *

Почуяв зимы неизбежность,
Берёзовый лес побледнел.
Струится ознобная свежесть
От голых берёзовых тел.

Пора журавлиных отплываний...
Вот солнышко скрылось во мгле,
И мягкие снежные нити
От туч потянулись к земле.

Весь затканый белой пряжей,
Притих околоток во тьме.
Бревенчатый, одноэтажный,
Он прочно причалил к земле.

Свершилось великое чудо
На зимних просторах страны.
Прибавилось в доме уюта
От снежной вокруг белизны.

Петух

Болезнь меня не молодит,
«Мотор» в груди как мина.
Который год живу в кредит,
Такая вот картина.

А ведь чуть было не утух
И в яму не свалился.
Закукарекал мой петух,
Да криком подавился.

Взлетев с разбегу на конёк,
Хотел запеть он сходу.
Но взял, наверно, петушок
Неправильную ноту.

Уволокли его во тьму,
А может и на небо.
И отчекрыжили ему
Головушку по гребень.

Но мне, признаться, жаль певца,
Погибшего ужасно,
Красавца в шпорах, наглеца,
Запевшего напрасно.

* * *

Я на чужих ошибках не учусь,
И мыслю, и живу не для карьеры.
О сколько лет я маюсь и мечусь,
Не находя своей судьбы и веры!

Я грустным сердцем вжился в маяту
Утрат и обновлений в мире странном,
Где мысли умирают на лету,
Как птицы на излёте безымянном.

Во что ж мне верить, други и враги,
В какие сны, в какую ложь рядиться?
Зачем из каждой песенной строки,
Студёней родника, печаль сочится?

О чём ты грезишь, милая страна,
Как дочь моя, в неведение счастливом?
Земная боль в душе отражена
Предчувствием молчания иль взрыва.

* * *

О чём я завтра напишу?
Что завтра людям расскажу?
Что их волнует? Что тревожит?
Куда стремится жизни бег
И ты, усталый человек, —
Червь земляной с прозреньем божьим?
Ты отличишь от правды ложь?
На что растрачиваешь годы?
Чего ты ищешь? Что ты ждёшь?
Бессмертья? Радости? Свободы?
Какую ты предвидишь цель?
Скажи, что нас ведёт по жизни?
О скольких плакала метель
В твоей завьюженной отчизне?
Куда несёт нас в колесе
Событий
Трезвая бескрылость?
Куда же катимся мы все?
А может быть давно скатились?

* * *

Отгорели надежды и страсти,
И на сердце — холодный туман.
Где цвело моё юное счастье,
Там забвенья поднялся дурман.

Я бреду, собирая занозы,
От засохших колючек, репья.
Заслонили снега и морозы
Навсегда, видно, друг мой, тебя.

Ты ушёл от меня без оглядки,
Чтоб остаться в краях ледяных.
И в твоей стихотворной тетрадке
Недописанный мается стих.

Он о том, что когда-то любила
Мама петь, чтоб тебя усыпить.
Я хочу дописать... И не в силах
За поэта строку завершить.

* * *

Я чувствую, как неустанно,
Свистя турбинами ракет,
Сжимает скорость расстоянья
До неизведанных планет.

Сжимает скорость в точку время,
Отпущенное на разбег.
И знаний тягостное бремя
Тебя пугает, человек.

Открыт за солнечной околицей
Землянам неизбежный путь.
За нами будто кто-то гонится
И не даёт передохнуть.

Планета день самосожженья
Предвидит в будущем своём.
И мощь земного притяженья
Ослабевает с каждым днём.

Всегда в пути

Петру Ищенко

Сочится в окна хмурый зимний вечер.
Деревня по просторам снеговым
В ночь отплывает.
Жарко дышат печи,
И жёсткий ветер с труб срывает дым.

Снег на верхах сугробов шевелится
Шурша, ползут позёмки языки.
И, набирая скорость, блещут спицы
Колёс на свет несущейся пурги.

Летят, свистя, метельные экспрессы
Сквозь ледяные заросли зимы,
Трамбуя снег до плотности железа,
Обрушивая стены белой тьмы.

Мелькают лица, судьбы, поколения —
Бурлят снега и ветры на Руси.
И шар земной сквозь звёздные скопления
Летит пургою сорванный с оси.

Летит Земля, летит снежинкой звёздной
Среди других сквозь мглу на дальний свет,
К своей судьбе, счастливой или грозной,
К своей мечте сквозь миллиарды лет!

Непроходимы вечности завесы,
И бесконечен мир со всех сторон.
Природные законы или бесы
Нас, одиноких, мчат среди времён?

Не зная сна, не ведая опоры,
Всегда мы, даже мёртвые, в пути.
Межзвёздные бездонные просторы
Отверсты в человеческой груди.

Летит Земля, летит без передышки.
И мы летим, тая в душе мечту.
И наши жизни, как снежинок вспышки,
Сгорая, озаряют темноту.

Интеллигенты в первом поколеньи

Интеллигенты в первом поколеньи,
О вас идёт сегодня разговор,
Кем были вы в том детском отдаленьи,
Весёлом и бессмертном до сих пор.

Когда ещё всюду гремели пушки
И дым пожарищ стлался над страной,
Вы жили в незабвенной деревушке
Иль на окраине фабрично-заводской.

Был детский почерк неуклюж и робок,
И на газетах, траурных подчас,
Вы между строк скупых военных сводок
Писали слоги первые, учась.

Отцам под материнскую диктовку
Писали вы, мечтая подрасти
Хотя бы с трехлинейную винтовку,
Чтоб поскорее воевать уйти.

Ваш труд стране был верною опорой.
Пусть не хватало роста и годков,
На лошадей садились вы с забора,
На ящики вставляли у станков.

И верно прирастали пуповиной
К скупой земле и чёрному труду,
Живя, как все, заботою единой—
Перебороть военную беду.

К вам знания приходили не заочно,
Птенцы тогдашних небогатых школ,
Вы сами постигали их досрочно
И не держась за маменькин подол.

В те годы потрясений и разлома
Вам — рано повзрослевшие сыны—
Жизнь выдала особые дипломы,
Которым нет замены и цены.

* * *

Весна чуть-чуть замедлила разбег.
Пахнуло мёрзлой сыростью, туманом.
И выпавший под утро бледный снег
Был самым настоящим, не обманным.

Затлел рассвета хлипкий огонёк.
День обещал быть тусклым, непогожим.
Потрескивал пузырчатый ледок
Под жёсткими подошвами прохожих.

Весна казалась хмурым ноябрём,
Засыпав снегом избы, огороды.
И под её распахнутым крылом
Ещё таились вьюги, непогоды.

Поторопились радоваться мы
Погожим дням. Увы, права примета,
Что ранняя весна берёт взаймы
Тепло и свет у будущего лета.

И жизнь не забывает никогда
О вечных должниках и ждёт расплаты.
Мы платим грустью в зрелые года
За то, что были счастливы когда-то.

Зной

Душно так — как будто рот зажат!
Воздуха не хватит на полслова.
В этом зной, конечно, виноват,
Долго зноя не было такого.

Оглянись! — вокруг мертвы поля.
Ветер обжигает крылья птицам.
Пышет жаром чёрная земля,
Замышляя в солнце превратиться.

И на завтра вновь сулят жару
Смерчей огнедышащие танцы.
В миражах, в расплавленном жиру,
Плещется огонь протуберанцев.

Объявил смертельную войну
Зной всему, что в мире есть, живому.
Корни устремились в глубину,
Не умея думать по-другому.

Выжженная степь раскалена.
Пыль клубится жарко и лениво.
И стоит над миром тишина,
Будто после атомного взрыва.

Валун

На нём свои оставили следы
Мороз и солнце, суховей и ливень.
И на вершине глинистой гряды
Лежит он, словно исполинский бивень

Он много видел:
Толпы диких орд
Здесь табунились, крах готовя Рима.
И космы шкур, и лошадиных морд
В нём отражались, проплывая мимо.

Он помнит первых пахарей Руси,
И знает дату каждого набега,
В те времена, когда дичали псы
На мёртвых пепелищах человека.

О многом может камень рассказать,
Но разве от него добьёшься слова.
Лежит он, как гранитная печать,
На беспробудной памяти былого.

Воскресенье

Псалмы по ученической тетрадке
Поют старухи тягостно и сладко
О том, что Богу должен человек.
А за окном весна. Двадцатый век.
Воскресный день. Бурлит пятиэтажка:
Сосед напротив допивает бражку,
Сосед на пятом бьёт свою жену,
Из форточки Высоцкий горлопанит,
Что он куда-то непременно канет,
И дети славят играми весну.

О, детские бесхитростные игры!
Когда травинки молодые иглы
Пробьют навывлет уличный асфальт,
И радостно трепещет птичий гвалт,
Простосердечно, громче всех на свете
Весну и солнце славят наши дети,
От мира взрослых заслонясь игрой.
Нагретый ветер пахнет куличами,
Медовой сдобой, пышными блинами,
Осыпан день яичной шелухой.

Никто не помышляет о похмелье
В беспамятное буйное веселье.
Хотя людское горе за углом,
Всем даже вспомнить некогда о нём.
Сегодня и алкаш, давно немыйтый,
Не прячется в кусты и пьёт открыто
У милицейской власти на виду.
Лишь отставник с соседнего балкона
Бурчит под нос, что праздник незаконный,
Что, мол, управу я на всех найду.

Поют старухи тягостно и сладко.
Приехал грузовик, привёз оградку
Могильную. Кого-то понесли.
Оркестрик всхлипнул. Холодом земли
И вечности дохнуло людям в лица.
Но праздник не раздумал веселиться.
И заглушая звуки похорон,
До ломоты в ушах, до перезвона,
Взревел Высоцкий из магнитофона,
Вспугнув печальных городских ворон.

Подвал

Василию Шеломову

Когда вокруг меня темно и пусто,
Иду я к другу в сумрачный подвал,
Чтоб на свету высокого искусства
Вновь обрести всё то, что потерял.

Ваятель хмур — с утра не похмельён,
Кусая бороду, он в кресле, как на троне,
Сидит и даже звука не проронит,
Пока ему стакан не поднесён.

Но с другом хорошо и помолчать,
Ведь в трепотне мы истин не откроем.
Мы знаем всё, что надобно нам знать,
Какую правду стоит добывать
В своём подспудном творческом забое!

И час, и два в молчании пройдёт.
Искусства накипь, весь симбирский сброд
Вдруг заройтся, зашумит во мраке,
И сатана начертит в душах знаки,
Которых враз сам бог не зачеркнёт.

Во всем свирепый чудится надрыв,
Усталость духа, нарочитость позы...
И яростно сверкает объектив
В руках у фотоко́ра Галагозы.

Чтоб всем не показалось, что во сне
Мы видели друг друга, для порядка,
Он, как стрекоз, пришил нас к стене
Назавтра беспристрастным отпечатком.

В хмельном угаре кружится подвал.
Кто только в нём уже не побывал!
Какие только не мелькали лица:
Поэты, девы, сыщики, убийцы,
«Шестёрки» и «тузы» искусства из столицы —
Никто из них его не миновал.

Как духом слабым не свихнуться здесь
От зауми речей, вина и дыма!
Хотя слова звучат непримиримо,
Есть в наших душах родственное, есть!

Нам нами красоты нетленна власть,
И душами печаль повелевает.
К художнику не липнет жизни грязь,
Когда он к воле думу простирает.
Он, словно сквозь немытое окно,
Глядит на мир из темноты подвала.
Ему, лишь одному, узреть дано,
Что прочих в этой жизни миновало.

Гость

Гость был не ждан. Пришёл и хмуро
Уселся с хрустом на диван.
Его понурая фигура
Изобличала, как он пьян.

Он осмотрелся взглядом рыбьим,
Достал известный всем сосуд.
И, помолчав, сказал мне: «Выпьем
За то, что дома нас не ждут».

Он был серьёзен, как молитва.
Не тряс повинной головой.
Но понял я, что поле битвы
Опять осталось за женой.

К чему пустые разговоры?
От них зазря вскипает кровь.
Мы пили молча, до упора,
Он — за печаль, я — за любовь.

Нам согревал надеждой встречу
Жар невесёлого вина.
А за окошком звёздный вечер
Чертил на небе письма.

* * *

В густой смоляной позолоте
Безмолвно стоят кедрачи.
Я череп нашёл на болоте,
Тряхнул его — что-то бренчит.

Я выкатил пулю в ладошку,
Почувствовал тяжесть свинца.
Конвойный не сделал оплошку,
И пуля нашла беглеца.

Он рухнул тряпичною куклой
На ложе из плюшевых мхов.
И брызнула спелую клюквой
Из раны горячая кровь.

Прошло столько лет!..
На опушке
От зноя звенит тишина.
И только неймётся кукушке,
Кукует, кукует она.

Ветер в городе

Ветер в городе шарит по крышам,
Гнёт деревья, шуршит по углам.
Он срывает с заборов афиши
И несёт по трамвайным путям.

Ночь осенняя тягостно мглиста,
И пуглив шаткий свет фонарей.
Город шорохов полон и свистов,
Всплесков света, изломов теней.

Взмахи лип, светофорные знаки,
Пляски листьев осенних впотьмах.
Ночь мимический ставит спектакль
Для бродячих котов и собак.

Ветер в городе, тени роятся,
Мельтешат на полночному пиру.
И поэту недолго вживаться
В сумасшедшую эту игру.

После смены — вечерняя школа.
Стихотворный хмельёк в голове.
Я иду, молодой и весёлый,
По кипящей осенней листве.

* * *

Машеньке

На стенке нарисованный цветок
Я вижу сквозь взметнувшуюся вьюгу.
И вспоминаю, как шуршал мелок
По штукатурке, помню пальцы, руку
Девчоночью в прожилках голубых
И майским ветром вздутый сарафанчик,
Мелькание косичек озорных...
Ах, если бы её заметил мальчик!

Он по соседству строил конуру
И, забывая гвозди, часто мазал.
Ему девчонки все не по нутру,
Он на неё косит сердитым глазом.
Отстав от петуха, приبلуда-пёс
Прибрёл к нему и рядом встал, кусая
Тяжёлый от колючек пыльный хвост.

Вокруг весна, вокруг начало мая.
Начало жизни. Продолженье нас.
Необъяснимый буйный всплеск природы,
Так обострённо видимый сквозь годы,
Лишённый всех придумок и прикрас
И предо мной представший в зимний час!

Красная книга

Завести бы нам Красную книгу
Для утрат человеческой души,
Не потворствуя вечному игу
Всё вокруг одобряющей лжи.

Занести бы в неё все потери,
Все растраты любви и добра,
Все убытки надежды и веры,
Чтоб нас всех проняло до нутра.

Не пора ли всё честно исчислить,
Не кривя ни мгновенье душой,
Чтобы было над чем поразмыслить
Перед тем, как хвалиться собой.

Возвратить бы нам всё, что забыто.
С глаз стереть бы свою слепоту,
Чтобы в строгом строю алфавита
Все узрели свою наготу.

* * *

Был я бровчик,
Был кудрявчик,
С шевелюрой на ветру.
Но отцвёл, как одуванчик,
Жизнь сама не по нутру.

Для жены я стал как веник:
Где захочет, там приткнёт,
Накоплю я, братцы, денег,
И куплю ей пароход.

Посажу жену немилу,
Дам в попутчики купца.
К пароходному кормилу
Я приставлю молодца.

Будут проводы недолги.
Помахая ручкой я.
И пущай плывут по Волге
В шемаханские края.

Пароходик звонко свистнет.
Не стерплю и оглянусь.
И легонько сердце стиснет
Толи радость, толи грусть.

Вечёрки

За околицей на лужайке
В яркой зелени — чёрный круг.
Вечерами на балалайке
Там играет сосед — мой друг.

Он меня лет на десять старше,
Но с собой на вечёрки берёт.
И приходит торжественным маршем
Вслед за нами стрелковый взвод.

Им одно развлечение — танцы.
Был нестрог старшина Семён.
Для охраны насосной станции
Этот взвод был у нас размещён.

Друг играл падеспани, тустепы,
Пел с девчатами «Хуторок».
И стоял над гулкою степью
Топот крепких, горячих ног.

Так плясали, так пели лихо,
Только с горя так можно плясать!
Будто злое военное лихо
Они в землю хотели втоптать.

* * *

Эти года позабудешь едва ли...
Барачный, земляночный, насыпной,
В дощатых обвязках шлачных завалин
Вставал на окраинах самострой.

Перед окном палисадник кленовый.
Шатких трамвайчиков перезвон.
Во всех сундуках городские обновы.
Под каждой иконою — патефон.

Но чуть, бывало, с поля потянет
В пыльные улицы ветром ржаным,
Каждый деревню свою вспомянет
И не поймёт, что случилось с ним.

Вроде и хлеба не ешь дармовщинного,
А всё равно у деревни в долгу.
Сгрудился люд на окраинах пыльного
Города, словно травинки в стогу.

Доброе помнится. Злое забыто.
Мало ль что было. Гляди, как живём!
И развалюха, где столь пережито,
Вот уж идёт под бульдозер, на слом.

Только, когда он крушит с разворотом
Дом, где ты больше уже не живёшь,
Вновь от души отрывается что-то,
Чего ни за что никогда не вернёшь...

* * *

Недосыпала,
Мучилась грудницей,
От мужа знала
Только матюги.
И вздрагивала,
Будто хвост синицы,
В сенях слышав
Пьяные шаги.
Он приходил
Тяжёлый и дремучий.
И, взяв её,
В беспамятстве храпел.
И по утрам
Его не совесть мучила,
А жажда
И чудовищный «похмель».
Но бог прибрал,
Как бабоньки судачили,
Его в свой тихий
И земной покой.
Креста берёзового крылья
Обозначили
Его обитель в стороне лесной.
И вроде неглубококоная ямка
А из неё не выпрыгнешь, поди!

Сын говорил:
— Не надо
Плакать, мамка...
И прижимался
К высохшей груди.

Отгоревала,
Стала выше, строже.
Не первая
Без времени вдова.
Какой озноб горячий
Шёл по коже,
Когда шумела
Свежая трава!
Да что мечтать!
Нет время —
Ни минутки.
Не до хлопот
О свадебном венце.
То пальтецо,
То шапку,
То обутки —
Огнём они горят
На сорванце.

Отходчива душа
У русских женщин.
Хоть забулдыга муж,
А всё родной.
— Ах, Вася, Вася,
Пил бы ты поменьше!
Гляди, Ванюшка
Вымахал какой!

Ледостав

Высокий берег. Хмурая вода
Хрустит, вздымаясь, ледяною крошкой.
И гулкий остов волжского моста
Под поездом постанывает дрожко.

Над Волгою во тьме летит состав,
Колеса пересчитывают стыки.
Никак не совершится ледостав,
Никак река не станет безъязыкой.

И под колючим снегом крупяным
Она, огрузнув, яростно бугрится.
Пора бы ей под сводом ледяным
Уйти в себя, умолкнуть, затаиться.

И нянчить в глубине холодной рыб,
Устало коченея от мороза.
Но снова, раскачавшись, бьётся зыбь
В прибрежные ледовые торосы.

Борьбе стихий как будто нет конца,
И потрясают нас природы игры.
Вскипают волны сединой свинца,
И прошивают их мороза иглы.

Сказки

Людмиле

Выгорают закатные краски
На промёрзшем от стужи окне.
И приходят волшебные сказки
Погостить к малышу в тишине.

Пусть расскажет внучонку бабуся,
Как царевну украл чародей,
И летал над поверженной Русью,
Выжигая селения, Змей.

Как Добрыня с ним насмерть сразился,
И погиб гад под мощной пятой.
Как Иван-дурачок воцарился
На престоле державы родной.

Малышу эти сказки — наука
Жить по правде всегда и во всём.
Русским нужно держаться друг друга,
Жить своим, не заёмным умом.

Малышу эти сказки простые,
Не пустая от скуки игра,
А открытая книга России,
Постижение зла и добра.

Ведь недаром их складывал Пушкин,
И они пережили века.
Нам нельзя потерять ни полушки
Из бесценной казны языка.

* * *

Из беспросветного круга бескрылого
Выйдите, вспомните мальчика милого.
Как он весной запускал голубей!
Вот он свистит, приподнявшись над крышею,
Машет кепчонкой измятой своей.
Были когда-то... Не будет их, слышите,
Этих насытых, но радостных дней!

Мать пожалеет. Бежишь огородами
Руки в воде от крапивы студить.
Манит речушка с куличьими бродами,
Лес с землянично-грибными охотами.
Будущий мир со смертями, свободами
Мне предстоит ещё сердцем открыть.

Дядя Петро возвратился из Дальнего,
Выручив Прагу, пройдя сквозь Берлин.
Как он жалеет меня, непечального!
Как я любил день своих именин!
Все мне дарили надежд обещания,
Нечего больше им было дарить,
Что обнесёт меня чашей страдания
Жизнь, что я буду счастливей их жить.

Разве я думал, что буду печалиться?
След моей памяти тянется, тянется...
Что я ответить им, милым, смогу?
Чем осчастливорю — деньгами, отрезами,
Льготной путёвкой, книжкой стихов?
Что им ночами, от стужи железными,
Там за горами, лесами и безднами
Снится под тяжестью русских снегов?..

Смерть Петра I

— Оставьте все, — рука Петра
Упала, фразы не осилив.
Ночь наступила для царя
И самодержца всей России.

Все — это целый русский мир
За невским утренним туманом,
Урал, и Север и Сибирь
С могучим рёвом океанов.

Смешенье рас и языков,
Богов, обычаев и нравов.
Победный свет полтавской славы.
И звоны каторжных оков.

Былая Русь пошла на слом,
Расчищен путь для дел грядущих.
Кто сможет охватить умом
Наследство это из живущих?..

Вокруг одра, где Пётр лежит,
Сияют ближних бриллианты.
Нахмурясь, Меньшиков глядит
Нетерпеливо на куранты.

Он слышит злобный шепоток
И в гневе напрягает жилы.
Он знает, кто в России бог,
За кем стоят сегодня силы.

Полощет ветром русский стяг.
К дворцу царя, чеканя шаг,
Идут колоннами гвардейцы —
Семёновцы, преображенцы...

Поэт

Сомнений тьма, а ты один.
Меж двух глубин — земли и неба
Живёшь не зряче и не слепо,
И раб себе,
И господин.

Ты постигаешь свой удел
И не дойдёшь никак до сути:
Где остановка, где предел
Всему, что есть,
Тому, что будет?..

Но что страшиться...
Жизни бег
Нас потрясает вещей дрожью.
И ты, бессмертный человек,
В себе почувешь искру божью.

Ты ею будешь приобщён
К судьбе великого народа.
Поэту не нужна свобода,
Коль воли нет.
Пусть знает он
Свой долг и подвиг, и гоненья.
Поэт призваньем осуждён
Быть вещей болью поколенья!

Что этот век?
Что век иной?
Не сотвори из них кумира.
Лишь ты один есть совесть мира.
Звенит врачующей струной
Над болями земными лира.

Увлёкшись классовой борьбой,
Порой её не слышат люди
И век наш призывают в судьи
И над тобой,
И над собой.

Но ты, поэт, во мраке буден,
В труде, на смертном рубеже
Не забывай, что ты подсуден
Одной лишь собственной душе!
Ты перед ней за всё в ответе.
Сжигай себя, томи, неволь!
Как раскалённый уголь, светит
В твоей душе святая боль!

Поэзия

Разгона нет.
Чуть скорость наберёт
Мой стих и на крыло упруго встанет,
Прозреет мысль, надеждой дух воспрянет,
Как вновь полёт безмолвье оборвёт.

За жизнь свою несчётно много раз
Я погибал и воскресал, чтоб снова
Нести в себе заряженный фугас
Мне душу обжигающего слова.

Несчётно раз я поднимался ввысь...
И падал в пыль земную, обессилев.
Кто знает, сколько изломал я крыльев,
Пока не осознал простую мысль,

Что всё великое рождается в покое,
Лишь праздная душа беременна стихом.
И красота божественная в нём
Преображает мёртвое в живое.

Зимний дождь

Анатолию Гребневу

В сырых потёмках дождь закапал,
Хоть на дворе стоит январь.
Я позабыл, когда я плакал,
А на душе такая хмарь,
Такая злая непогода,
Такой грабёж, такой раздрай,
Что не нужна душе свобода —
Ей справедливость подавай!

Она впотьмах обмана злого,
Не хочет быть рабой судьбы.
И в третий раз за век готова
Поднять Россию на дыбы.

И будь, что будет!..
Ради воли,
Не жаль предателя царя.
Средь тех, кто жаждал честной доли,
Нет никого, кто умер зря.

Упряма русская порода,
За справедливость — хоть в огонь.
Есть толерантная свобода.
И есть мужицкая гармонь.

Я взял её, потрогал планки,
Как друга верного, обнял,
И марш «Прощание славянки»,
Смахнув слезинку, заиграл.

Случай в аэропорту

Не отложен мой вылет сегодня.
Не просрочен билет в высоту.
Мимо окон проехали сходни
И приткнулись к могучему «ТУ».

В накопитель открытая дверка
Пропускает на вылет людей.
Без задержки проходит проверка
Пассажиров и личных вещей.

Встал и я возле зрячей машины
И портфель со стихами отдал.
Вдруг из чуткой её середины,
Как будильник, сигнал прозвучал.

Постовой меня взглядом срезал,
Пятернёй цапанув кобуру.
— Нет ни бомбы на мне, ни железа, —
Контролёрше я говорю.

— Пропустите меня, гражданка,
Тороплюсь, нет в запасе ни дня.
Я, поэт Николай Полотнянко,
Пропустите в бессмертье меня.

Ждёт меня не дождётся редактор,
Договор на издание ждёт!..
Человеческий выручил фактор —
Разрешили пройти в самолёт.

Я унёс кучу здравых советов,
Никого возраженьем не зля.
С неохотой своих поэтов
В небеса отпускает земля.

Ручей

В раздумье вечном над судьбой
На берегу склонилась ива,
Над быстрой вешнею водой,
Ручьём, спешащим говорливо.

По-детски радостно волна
Играет зайчиками солнца.
Встают упругие со дна
Водовороты веретёнца.

Летит серебряной стрелой,
Звенит ручей, как будто улей,
Пока его не выпьёт зной
До дна в засушливом июле.

Ударит жгучий суховея
И травы высушит до хруста.
И оборвёт листву с ветвей,
И понесёт её по руслу.

Не знаю я...

Не знаю я, поверишь ли ты мне...
К чему слова — поверь себе и чувству.
Как без тебя темно в моём окне!
Как без тебя и холодно, и пусто
Не только наяву, но и во сне!

Тебя со мною нет.
Темней любой тюрьмы
Весь этот срок, все эти две недели
Меня душила ревность, а из тьмы
Такие сны в мой мозг больной летели,
Что ты с другим в саду, на карусели...

Тот бред прошёл, любимая,
Но знай,
Я отболеть хочу. Наверно, так и надо.
И так в мечтах хватил я через край,
А до смерти любить — большая ли награда?
Но лихом ты меня не поминай.

Я выдумал тебя.
Не знаю почему
Извлёк тебя из хаоса, пучины
Житейской суеты. Сейчас мне самому
Не разобраться, не понять причины,
Чтоб дать ответ и сердцу, и уму.

Но ты была...
Ещё во мне ты есть.
Надолго ли — решит судьба иль случай.
Но так любить — не радость, а болезнь,
Внезапное затмение падучей,
Когда теряешь разум свой и честь.

Сактированный

Он в дом вошёл и у порога встал.
Спросил: «Где брат?»
— Уж год, как схоронили...
Она стирала, руки были в мыле.
Отёрла их.
— Ты, знаешь, опоздал.
— Я долго ехал.
— Все пятнадцать лет?
— Да, все пятнадцать. Год был на расстреле...
Он был острижен наголо, скелет,
В нём бронхи разрывались и свистели.
— Где ребяшня?
— Да вон вповалку спят —

Наташка, Иннокентий и Серёга.
Он снял с себя застиранный бушлат,
И сапоги оставил у порога.
Прошёл на кухню, чуткий, словно зверь,
Сел у стола, весь в шрамах и наколках,
Она спросила:
— Ты куда теперь?
— Не знаю сам, но к вам я ненадолго.

Глаза закрыл.
Ах, вот он отчий дом,
Что снился столько лет ему на нарах.
Всё та ж рябина плещет за окном,
Но нет звезды ребяческой в Стожарах.
Бумажная иконка в уголке.
На вышивке две синие голубки.
И до сих пор видны на косяке
Все до единой, как он рос, зарубки.

Она дала ему тарелку шей
И налила стакан шипучей бражки.
Он плохо ел. Вздыхал и кашлял тяжко,
С какой-то думой тёмною своей.

— Ну, я пошёл?
— Куда?
— На сеновал.
Я не жалец. Посуду вымой чище.
Прости... Живи.
Я от себя устал,
И отдыхом мне кажется кладбище.

Сухое сено пахло чабрецом,
Зацветшим лугом, чернозёмной пылью.
Он тяжело рухнул на него лицом,
И руки размахнул подобно крыльям.
В пустую бочку капала вода.
В хлеву корова сонная жевала.
И робкая далёкая звезда
Подглядывала в щёлку сеновала.

Пустырь

Асфальт под шинами шипит.
На улице жара.
Полынь цветением пылит —
Июль, пришла жара.

Пыльца летучей желтизной
Припудрила бетон.
Горячей горечью сквозной
Пропах микрорайон.

Там с лопухового листа
Кузнечик взял разбег.
Шумит в бурьяне мелкота
Недолгий летний век.

Там танцы брачные стрекоз
И бабочек игра.
Целует шмель цветок взасос
И чащобе пустыря.

Клубятся тучи, пышет зной,
Мутнеет неба синь.
И терпко пахнет пред грозой
Цветущая полынь.

* * *

Как печально и тихо в отчизне —
Даже слышно, как сердце стучит.
На воде, будто след чьей-то жизни,
Затухая, играют лучи.

Вот она — столь желанная воля,
И начало судьбы и исход.
Размывая курганы и поле,
Тихо русская речка течёт.

Обнажаются кости и корни,
Разверзаются сумерки лет.
И в меня входит ясный, просторный,
Всё вокруг озаряющий свет.

* * *

Петь и плакать — счастливая доля,
Только горько о ней говорить.
Ведь стихи — это русская воля:
За неё нужно плахой платить.

Ведь стихи — это духа стихия,
Чей разгон ни за что не унять.
Как просторна для песен Россия!
Только песен родных не слышать.

Вспыхнет голос, и сгинет во мраке,
Без надежды на радостный день.
Да завоюют, дичая, собаки,
На погостах пустых деревень.

Всех, кто были прекрасны и любы,
Отпоёт и оплачет метель.
И над сгнившим колодезным срубом
Одинокий скрипит журавель.

* * *

Пролилась кровь звезды голубая,
Осветила поля и леса.
На цветы, лепестки обжигая,
Ключевая упала роса.

Белый сумрак цветущей гречихи.
Фыркнет конь. Заскрипит колесо.
Ветерок засыпает и тихо
Омывает прохладой лицо.

Ночь. Дорога. Высокие звёзды.
Безмятежность во всём, благодать.
Никогда это видеть не поздно
И душой безраздельно принять.

Соловиного звонкого лета
Отдаётся в душе каждый звук.
Так бы ехать и края не ведать
До скончания века, мой друг!

* * *

Сыплет листвою осинник.
Жёстче туманная муть.
Вот и прошёл я, Россия,
Вместе с тобою свой путь.

Ведал ли, жизнь начиная,
Чем заплачу за любовь?
Мне остаётся до края
Несколько лёгких шагов.

На берегу золотые
Плещутся листья дубка.
Крылья бы мне молодые —
Вот она, Волга — река!

Вот она — вольная воля!
Гляну на жизнь с высоты:
Волга, бескрайнее поле,
И на погосте кресты.

Счастливымь день

Весёлая погода, воробы,
Согревшись, расшумелись под навесом,
Угрюмый пёс, наскучив на цепи,
Катается в снегу, гремя железом.

Всё выбелил внезапный снегопад.
Всё высвечено солнечным морозом.
Счастливымь день, ему я тихо рад
И улыбаюсь людям и берёзам.

В сугробе молодом играет свет.
Какой надеждой снова сердце бьётся!
Я позабыл вчерашний грустный бред
О том, что всё уйдёт и не вернётся.

* * *

Я был другим ...
В цветении и громе
Жизнь начиналась —
Где она сейчас?
Остался я на дальнем переломе.
А вдаль ушёл другой...

И всякий раз
В мгновения разлук и потрясений
Я уходил другим из прежних дней.
Я — пращур очень многих поколений,
Колеблющихся в памяти теней!

Они остались, будто изваянья
Надгробий, на путях моей судьбы —
Пережитые скорби и страданья,
Из соли слёз восставшие столпы.

Человек

С времён возникновенья алфавита
Прошло всего лишь пять-шесть тысяч лет.
Наш мир обрёл язык. Не позабыты
Времён прошедших памятные битвы,
Что порицал историк, пел поэт.

Минуло двести-триста поколений
Всего-то на земле за этот срок,
А сколько было вер и лжеучений,
Чего не создал человеческий гений,
Что не убил бы, если б только смог!

Терзают дух людской болезни роста.
Как молод и печален человек!
Он, упираясь головою в звёзды,
Ушёл по пояс в чернозём погоста,
Не в силах даже свой постигнуть век.

Он отраженье той великой силы,
Что в час судьбы природу создала
И сгустком страсти в черепе застыла.
Колеблется он даже у могилы
Каким идти путём — добра иль зла?

Высота

Катилось время в грохоте и дыме.
Я возмужал, отвергнув суету,
И жить привык заботами земными.

Когда же мне смотреть неволю,
Как праведны лжецы и умствуют невежды,
Я сердцем вспоминаю высоту.

И детские бессмертные надежды
Вновь оживают, я в мечтаньях смел
И дерзок по-мальчишески, как прежде.

О если бы я всё-таки посмел,
Обрыдлых лиц не видя и не слыша,
Постигнуть этот сказочный удел —

Нечаянно разок взлететь над крышей
И руки раскрылатить, как ветряк,
Под облаком, а, может быть, и выше,

Взлететь бездумно, как Иван-дурак!

* * *

Посидим, посумерничаем возле окошка,
Моя ненаглядная, и помолчим.
Сипит на столе самодельная плошка,
Горько струится оранжевый дым.

Светит луна вполнакала, вполглаза.
Скрипит половицами сверху сосед.
Такого у нас не бывало ни разу,
Чтобы погас электрический свет.

Город огромный притих, затаился,
Тьмой ошарашен, ослеп и оглох.
Ждёт не дожётся, чтоб снова забилась
В жилах его
Электрический ток.

Плошка чадит, и молчит телевизор.
Связи разорваны между людьми.
Мир потемнел, стал пугающе близок.
Вот оно небо — хоть в руки возьми!

Тьмою залиты все звёздные знаки.
Нет ни приметы грядущего дня.
Роятся в глазах первобытные страхи.
Гаснет сипящая капля огня.

Белое озеро

Анастасии

Я лег на лёд, прозрачный, как стекло,
И мне забавой душу увлекло,
Бесхитростной, что понимают дети
И сочинители...

Там, в малахитном свете,
Качались водоросли, плавали рачки,
Букашки мельтешили, шли жучки
По дну песчаному, ребристому, как панцирь.

И растопырив жадно клешни-пальцы,
Полз рак на приступ ржавого ведра,
Где затаилась рыбка детвора...
И вдруг всё замирало от испуга.

И только пузыри со дна несло.
Царицей властной выплывала щука
Из-под коряги, отворив хайло.
Ударил я!..

Лёд треснул, как стекло,
И щука в тьму, как пуля, сиганула.
И вздрогнул иней на ветвях от гула.
И стихло всё.

И снова суета.
И снова вокруг замельтешила мелкота,
Борясь за выживание простодушно...
От этой мысли мне вдруг стало скучно.

К забаве потерял я интерес,
И встал со льда.
Сосновый тёмный лес
Шумел тревожно чуткими верхами.
И, сумрачно клубясь, дымились облака.
И душу жгла начальная строка.
И я готов был плакать, петь стихами...

Гробница Тутанхамона

1

Цветы любви на саркофаге,
Вдовы последнее «прости»,
Мы увидали в древнем мраке,
Едва посмев в него войти.

Они на тяжких горах злата
Казались нам живей живых.
Но мы вошли, и яд распада
Испепелил в мгновение их.

Пять тысяч лет они сияли
Во тьме, где только смерть и тлен,
Как торжество любви-печали
Над суетой людских измен.

2

Из тьмы веков, из первобытной глубины
Восходят к нам кристаллы пирамид.
И чёрных мумий высохшие губы
Могильный ветер тихо шевелит.

О чём сказать свидетели былого
Пытаются, о чём предупредить?
Какая тьма или бездна, может быть,
Открылась б нам, узнай мы это слово.

Как-то вечером

Остановка. Звон трамвайный.
Толпы шумные людей.
И снежинок танец бальный
В зыбком свете фонарей.

Как и я, на остановке
Заблудился пёс худой.
А из форточки столовки
Пахнет щами и стряпнёй.

Пирожки, червонец пара,
Уплетаем я и пёс.
Мы идём во тьму квартала
Мимо зданий и берёз.

Подмерзает с хрустом слякоть.
Мчит позёмка во всю прыть.
С беспризорною собакой
Есть о чём поговорить.

Клеймение коня

Над степью купол неба светло-синий.
Жара и сушь. Ни капельки дождя.
И по столовой выжженной равнине
Течёт табун, как паводок, гудя.

Терзают землю жёсткие копыта,
И пыль легко клубится на ветру.
Но вот двухлетки в сторону отбиты,
Поодиночке гонят их к костру.

Свистит аркан, захлёстывая шею.
Степь зашаталась, встала на ребро.
И кожу, что дыхания нежнее,
Пронзило раскалённое тавро.

Не в силах разорвать петли арканьей,
От жуткой боли конь на миг ослеп.
И выплеснулось воющее ржанье
На жёлтую безрадостную степь.

Дымятся раны тавровых отметин,
И конь встаёт, коленями дрожа.
От страха улетевшая, как ветер,
В него опять вселяется душа.

Опять запахла степь полынной пылью,
И расступилась пред глазами тьма.
Он испытал отчаянье, бессилье,
Не износить во век ему клейма.

Поцелуй на морозе так свеж

Наста снежного яблочный хруст.
Запах сдобы печёной из кухонь.
Притаился сиреневый куст
Под накидкой морозного пуха.

Разрывая сугроб, рыжий пёс
Снег хватает горячею пастью.
Зимний город опутан насквозь
Серебристою инею снатью.

Снег, белее белёных овчин,
Придел и берёзы, и липы.
Отражаясь, играют лучи,
И слышны снегирины скрипы.

На ресницах растаявший снег
Озарил всё волшебным сияньем.
И, волнуясь, глядит человек
На деревья, трамваи и зданья.

Он влюблён. Молодая душа
В дым хмельна от надежд и восторга.
И навстречу подружке спеша,
Он скользит с ледяного пригорка.

Поцелуй на морозе так свеж,
Так пленительно вкусен и сладок...
Беззаботное время надежд,
И счастливая жизнь без оглядок.

Вьюга

Эх, округа, ты округа —
Ветра свист, снегов разгон!
Раскрутила в поле вьюга
Сорок тысяч веретён.

Посреди равнины белой
Замело мои пути.
Что мне думать, что мне делать,
И куда теперь идти?..

Кто мы — боги иль паяцы?
Скоро ль кончится вражда?
Иль не стоит появляться
В этом мире никогда?..

В вое вьюги нет ответа.
Но, на радость иль беду,
До чего-то я доеду,
До чего-то я дойду.

Чуя сердцем зов далёкий,
Я во тьму схожу с крыльца,
И стою перед дорогой,
У которой нет конца.

Звезда земли

Дорога вдаль спешит прямая
Сквозь первоснежье и мороз.
И перед путникам, блистая,
Зажглась ярчайшая из звёзд.

Омолодил сугробы иней.
Селенье вдаль, дымя, ушло.
Где мать задумалась о сыне,
Грустя тревожно и светло:

«Звезда земли, звезда святая,
Сияньем сына осени!
Во тьме ночей над ним сияя,
Спаси его и сохрани.

Сияй над ним во тьме распутий,
Не покидай, молю тебя.
И пусть его не судят люди,
Пускай он судит сам себя».

И видит сын, звезда, блистая,
Глядит в глаза ему всерьёз.
Дорого вдаль идёт, прямая,
Как дым в безветренный мороз.

И ни одной вокруг машины,
Лишь реактивный в небе след.
Снега, всхолмлённые равнины
И путь на дивный звёздный свет.

Мастерская художника

Мастерская художника, члена Союза.
Здесь уютится унылая, чахлая муза.
И на полках вповалку пылятся холсты.
И на дыбе мольберта распяты мечты.
И засохшие кисти и краски мертвы.
И на столике плесень убогой жратвы.
Недопитый «Агдам» тускло тлеет в стакане.
И нетрезвый художник храпит на диване.

Пахнет сыростью, веет тоской безысходной.
А какой яркий день разгулялся сегодня!
Снег прикрыл городскую осеннюю грязь,
Власть туманов сменилась на снежную власть.
Навалило сугробов, подкрашенных синькой,
Солнце вкрапило в лёд молодой золотинки.
Ясный снег осветил проходные дворы,
Где лишь сумрак таился до этой поры.

Выпал снег и в твоём закоулке, художник,
Где пылила полынь, попевал подорожник,
И завьюжил следы, и засыпал крыльцо,
Где сидишь ты сейчас — на коленях лицо...

Придёт пора и осень отгорит

Придёт пора и осень отгорит.
День холодом в лицо дохнёт, как льдина.
И, разорвавшись в клочья, полетит,
По ветру понесётся паутина.

Где будущего с прошлым рвётся связь,
Не обрести ни воли, ни покоя.
Ничто не повторится ещё раз,
Похожее всё будет, но другое.

Цветы и листья будут, но не те,
Что волновал давно уснувший ветер.
И журавлей других на высоте,
По-новому увидят наши дети.

И мы с тобой, приятель — старый вяз,
Придём в свой срок к тревожному итогу.
Как год назад, опять в прощальный час
Засмотримся на звёздную дорогу.

Обступит нас со всех сторон мороз.
И надо будет нам взглянуть без страха
На голизну осинки и берёз,
И на мерцанье иневого праха.

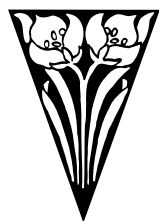
Услышим, как гуляет вьюжный свист
Среди стропил заброшенного крова.
Увидим, как вострепещет мёрзлый лист
Напоминаям милого былого.

Подарок

Шёл старик.
Цветок к его ногам
Из окошка бросила девчонка.
Рассмеялась весело и звонко
И умчалась по своим делам.

А старик помедлил
И украдкой
Поднял яркий розовый бутон.
От него струился запах сладкий,
Молодость ему напомнил он.

В памяти качнулся образ зыбкий,
Отражённый в зеркале воды:
Девушка с печальною улыбкой,
С золотою розой на груди.

Снег летит

*Два пути из того, что мы смертны,
Для души. Она хочет понять:
Или землю любить беззаветно,
Или всю её в прах растоптать.*

(Из ранних стихов)

Снег летит и впивается в грязь.
Загустела вода в чёрной луже.
И скрипит у плетня старый вяз,
На ветру коченея от стужи.

Вот и кончились хмурые дни
Ненадёжной осенней погоды.
Из потёмок летит на огни
Плотный снег нашей русской породы.

Закружилась метельная мгла,
Жёстким краем касаясь окошка.
Одиночество, будто игла,
Вдруг царапнуло по сердцу дрожко.

Бьётся в двери метели порыв,
Тают, в дом залетая, снежинки.
Очень грустный записан мотив
На заезженной зимней пластинке.

В поле мечется вьюги душа,
И на улицах снег колобродит.
Шепелявя по-детски, шурша,
Тихий голос поёт о свободе.

Я мотив заучу наизусть
Про печаль и надежду земную.
Белоснежно-метельная Русь,
Узнаю твою песнь вековую!

Отпеваешь себя ли опять?
Или новую славу пророчишь?
Как над детской могилкою мать,
Плачет вьюга ненастной ночью.

Снова песня былая с тобой,
И тревога твоя, и надежда.
Над невзгодой твоей и судьбой
Светят звёзды, тревожно и нежно.

Не избыть ни любви, ни тоски
К сиротливым пустынным просторам,
Где сошлись все земные круги
Над печальным осенним разором!

Движение

Река бежит и шумно роет русло,
Земной круговорот вершит вода.
Жизнь убеждает каждым вздохом чувства,
Что мир намерен двигаться всегда.

Но с каждым днём я твёрже убеждаюсь,
Что новизны мне в мире не найти.
Что всё течёт, ничуть не изменяясь,
И жизнь идёт по старому пути.

И каждый год — повтор былого года,
Он только пахнет вешней новизной,
Когда животворящая природа
Опять с природой спорит неживой.

Но это ли движенье?.. Кроме счастья,
Не могут люди выдумать мечты.
И время потрясти не в силах власти
Владеющей сердцами красоты.

Суть бытия сокрылась под личину
Движения. Летит времён поток.
Мир затаил судьбы первопричину
И устье жизни и её исток.

Но человек надеется и страстно
Ответа ищет в беспредельной мгле.
Он верует, что может быть подвластна
Жизнь тем, кто вечно смертен на земле.

Рождение слова

Вой знобящий в ночи, полной страха,
Что ворожит он из темноты?
Что предчувствует, воя, собака,
Чью-то смерть, иль паденье звезды?..
Есть ли смысл в неразгаданных звуках,
Я не знаю, но верю в тот миг,
Что вот так же в томленьях и муках
Человечий рождался язык.
Что вот так же сквозь хрипы и вои
Прорывались и чувства, и мысль
Над земным бессловесным покоем,
Устремляясь безудержно ввысь.
И сочилась с холодного неба
На леса первобытная тьма.
И рождался язык на потребу
Беспокойной души и ума.

Поезд

Как грустно шумят в темноте
Привокзальные клёны,
И ветер свистит,
Залетая с перрона в состав!
Но вот покачнулись
И вздрогнули, словно живые, вагоны.
И поезд помчался,
Прожектором тьму распластав.

И сердце в такт стыкам забилося:
— Так надо! Так надо!
И скорость прошла сквозь меня,
Страхом сердце хмеля.
Рванулись навстречу
Глухие заборы и вышки, и склады,
Звонки переездов и мост,
Где под нами исчезла земля.

И шум потерялся,
И все мы, как будто повисли,
Над хмурой и вспененной
Быстрым теченьем водой.
Какие тревожные думы,
Какие печальные мысли
У всех всколыхнулись,
Какие прозрели мечты,
Боже мой...

Состав по земле грохотал
И вокруг все шумели, потя над чаем.
Звенела гитара,
И плакал младенец,
И пьяный храпел.
Неся всех в утробе своей,
Одинокий, как птица ночная,
Поезд к неким пределам
Сквозь мглу вековую летел.

И во мне оживало
Прекрасное, словно земля наша, имя.
И снилась мне мать,
И я помню, что плакал во сне.
И звезда моей жизни,
Мерцая в поднявшемся дыме,
Умирала со мною
И вновь оживала во мне.

Циклы стихотворений

Стихи про «Кирпичики»

Счастье

Печь обжигает кирпича,
Кольцевая печь, —
Жар-птица огня в зоне нагрева,
Арочный свод
У вздымленных плеч —
Меня переваривало твоё чрево!

К раскалённому кирпичу
Прикипала ладонь,
Шипела зола
На промокших валенках.
Падал на вагонетку сырой поддон,
С плеч Василька —
Моего напарника.

Вплотную жара
Подступала к лицу.
И, хлебнув на бегу
Подсолённой водицы,
Мы гнались с Васильком
По печному кольцу,
Как за счастьем,
За огненной птицей.

Работа была
Тяжела и проста,
Нас судьба, не спросив,
Привела в это пекло
Выдёргивать кирпичи,
Как перья из хвоста
Жар-птицы
Что от бессонья ослепла.

Перекур

Резиной жжёной пахнут рукавицы.
Дымится красный пепел на плечах.
И греются озябнувшие птицы
Под утро на горячих кирпичках.

Не дотянуть, как видно, нам до плана.
В печи жара. И сменный мастер хмур.
Из-за поломки башенного крана
Нечаянно нам выпал перекур.

Безусые, тогда мы не курили.
В печи клубился огненный расплав.
Мы спецжиры положенные пили,
Молочные пакеты надорвав.

И пот стерев с калёного затылка,
Сказал нам сменный мастер с хрипотцой:
— Сгорела, парни, ваша прогрессивка,
Сожрал её внеплановый простой.

И, раскрывая записную книжку,
Хотел сказать ещё он что-то нам,
Но на лету замёрзший воробьишка,
В печь запорхнув, упал к его ногам.

Глядим — он ожил, смотрит левым глазом.
Открыл другой. Встряхнулся и вспорхнул.
А мастер вслед: «А ну, вернись, зараза!
Вернись сейчас же, запишу прогул!»

И грянул хохот под кирпичным сводом.
И стало всем нам сразу веселей,
Что спас нам не привычную свободу
Оттаявший смыслённый воробей.

* * *

Тебя мы знали по работе
В одном цеху. Иван Кузьмич,
Ты четверть века на заводе
Из печи выгружал кирпич.

Работал честно, без прогулов.
Зарплату отдавал жене.
Во время праздничного гула
Был от начальства в стороне.

В твоих глазах потухло небо...
Мы все толпились на крыльце.
Плыл отсвет кумача и крепа
На неживом твоём лице.

О чем-то давнем ныло сердце.
Вставала в памяти война.
(Звенят, звенят на полотенце
В руках у друга ордена.)

И каждый памятью особой
Равнял свою судьбу с твоей,
Смотрел на возвышенья гроба,
На твой сосновый мавзолей.

Урок истории

Тимофей Меркурьич Панасенков
Был директором ШРМ.
Нас учил, кочегаров, откатчиков,
Он — знаток исторических тем.

Мы зимою глядим, бывало,
Как упрямо сквозь вьюжный свист
Наш Меркурьич идёт по шпалам
В куртке кожаной, как чекист.

Наломавшись за смену, тяжёлые,
Приходили мы вечером в класс.
И директор вечерней школы
Вёл в глубины истории нас.

Тимофей Меркурьич!.. Едва ли
Я тогда понимал вашу речь.
Рано утром меня ожидали
Вагонетка, лопата и печь.

Был кирпич, раскалённый и рыжий,
Поважней, чем Тацита труды.
А лафетчица — краше Мнишек.
Сменный мастер — мудрей Калиты.

...Не истории пороховые,
А совсем другие, печные,
Раскалённые погреба
Мне тогда открывала судьба.

Светка

Поначалу бывало несладко,
Поначалу — откатка, откатка!
В десять полок кирпич-сырец.
Не под силу была вагонетка,
Насмехалась лафетчица Светка:
— Ну, какой ты откатчик, малец!
Ну, какой ты ещё мужчина?..
В руки крепкую вагу брала.
Сильной, словно стальная пружина,
Пересмешница Светка была.
И по рельсам гулко и звонко,
Словно выстрел, летела вагонка.
Светка вслед ей кричала:
— Пошла! —
И пила, громко фыркая, воду,
На щеках — снегири, а в глазах — соловьи.
От тяжёлой мужской работы
Задыхаясь, как от любви!

* * *

О чём говорят мужики после смены,
Все восемь часов простояв у станка,
Когда покидают фабричные стены
И тянут неспешно пивко у ларька?

Конечно, проблем ещё много на свете,
Не разрешённых мужицким умом.
И те, кого в шумной толпе я приметил,
Калякали тихо и грустно о том,

Что в нынешнем мае дождей не бывало,
А с неба всё льётся и льётся огонь.
Что в поле озимые суше металла,
Рукою задень — и порежешь ладонь.

И речь, и слова-то не городские
Звучат, хоть у всех городская судьба.
Их тянет домой в полевую Россию,
Туда, где сейчас выгорают хлеба.

К землице, удобренной потом и кровью.
К лугам и озёрам, чем грезят во сне.
К погостам отцов — своему родословью.
К цветам и деревьям — исконной родне.

Полсердца навеки осталось в деревне.
Полсчастья зарыто в суглинках полей.
И каждый из нас о прародине древней,
Хотя бы раз в жизни, — но думал о ней.

* * *

Увы! Я прозевал начало лета
В горячечном бессоньи третьих смен.
Я позабыл, работая, что где-то
Сердца людей дурманила сирень.

К июню я повёрнут был спиною
Работой. Но я видел, как цвела
Акация горчичной желтизною,
Пыльцою, раскалённой как зола.

Она цвела у обжигальной печи,
Где билось пламя в миллион свечей.
Мир выгорал и рушился на плечи
Стеною раскалённых кирпичей.

Но сквозь огонь я видел цвет акации,
И он с тех пор стоит в моих глазах.
Я всё же научился разбираться
В своих поступках, людях и цветах.

И этот цвет горячечно-горчичный,
Как лезвие, вонзённый в полутьму,
Я не отдам ни за какие тыщи
И не передоверю — никому.

Стихи россыпью (1970–1980)

* * *

На стене высокой рубленого дома
Отливает золотом свежее бревно.
Вышитой крестами просто и знакомо
Белой занавеской убрано окно.

Мне с дороги виден белый угол печки,
Кот на подоконнике, тополь у плетня...
Маленькая девочка, сидя на крылечке,
Ласково смеётся, глядя на меня.

Желтая головка, кофта голубая —
Золотой подсолнушек у родной стены.
Вся она, весёлая, рдеет, налитая
Утреннюю свежестью отчей стороны.

Затмение солнца

Лишь детству дано не забыть.
Я помню, как ждали тогда
В деревнях глухих и столицах
Затмения, будто суда.

Мир слухами полнился, спорил,
Пророчествам верил любым.
Отмыкав военное горе,
Все радости ждали за ним.

Я помню затмение солнца.
Сияющий полдень потух.
Мы с другом смотрели в стекольце
На меркнувший солнечный круг.

Собака к нам жалась в испуге.
Приникло к земле вороньё.
И стало так тихо в округе,
Что слышал я сердце своё.

Затменьё, как чёрная птица,
Закрыло сияющий диск.
Но свет продолжал ещё биться
Короной расплавленных брызг.

И лопнули чёрные кольца,
Рассеялся пепельный свет.
И вспыхнуло новое солнце
Над миром, уставшим от бед.

* * *

Сгорел багровый холст заката.
Сгорел стремительным огнём.
Исчезли лес, поляна, хата,
Изображённые на нём.

Даль потеряла протяженье...
Как искра, с огненной черты
Звезда взлетела к возвышенью
Средь пустоты, средь немоты.

Рой ярких звёзд дышал в тумане
Июньским запахом берёз.
И, прожигая дымку рани,
Рассвет вознёс огонь до звёзд.

...Противник дел пустопорожних,
Огонь, огнище, огонёк —

Искатель, мученик, художник
Писал и жёг,
Писал и жёг...

* * *

Лес в первых числах октября
В великорусской полосе.
И купола монастыря.
И рёв моторов на шоссе.

Деревья. Облака. Кусты.
Трепещущий холодный свет.
И золочёные кресты.
И самолёта белый след.

В лесу прохладно и светло.
Лес высвечен весь до основ.
На землю золото стекло
С высоких древних куполов.

* * *

Шиповник от мороза слаще стал.
Искрится иней — время ледостава.
Шуга шуршит, сгибает краснотал,
Как облако, дымится переправа.

Паром закуржавел, накренился, скрипит.
Тяжёлое весло оледенело.
И чёрный бык на палубе сопит,
В тугой ноздре железо побелело.

Старик паромщик смотрит на закат.
Розовощёкий, с белой бородою,
Он в туюске шиповник для внучат
Везёт домой последнею водою.

* * *

В детстве, в моём начале,
Я говорил с облаками,
Как с мудрыми стариками,
Про радости и про печали.

Одну сокровенную тайну
Хотел я у них вызнать:
Кто меня к жизни вызвал,
Или возник я случайно?..

Облака пролетали над домом,
Над маленьким человеком,
Отмахиваясь снегом
Иль огрызаясь громом.

В детстве, в моём начале,
Я не нашёл ответа.
Четыре стороны света
Звали меня, ждали...

* * *

Нам страшно и весело было
По первому льду, налегке,
С бездумным ребячьим пылом
Лететь на коньках по реке.

Непрочный ледок прогибался,
Скрипел и от трещин белел.
И каждый из нас задавался,
Как будто взаправду был смел.

Мы мимо домишек и ветел
Летели по хрупкому льду.
И в спину толкающий ветер
Нас вмиг уносил за версту.

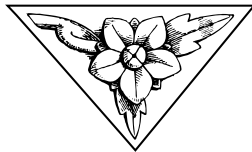
Нам страшно и весело было
Катиться по плоскости льда...
И в трещинах следом бурлила,
На лёд поднималась вода.

* * *

Я не забыл вдохновенной мечты,
Детских восторгов, печалей наивных,
Сказок волшебных и песен старинных,
Мира душевной большой доброты!

Я не забыл, как влюбился весной
В девочку из параллельного класса.
Буду я помнить до смертного часа
Светлые кудри и бант голубой!

Я не забыл в старой школьной тетради
Стих свой начальный среди теорем...
Где это было, скажи, бога ради?..
Когда это было? Зачем?..

* * *

Дождь всю ночь монотонно, устало
Водосточной грохочет трубой.
Даже сердце горит вполнакала
От погоды на редкость сырой.

Ветер гонит послушные листья
По осенней просторной земле.
Сорван с якоря дом мой, как пристань,
И куда-то несётся во мгле.

Ни луны, ни собачьего лая...
И в предчувствии близкой зимы
Снова память моя вырывает
Чьи-то скорбные лица из тьмы.

Всё сильнее непогоды волненье.
Всё темней, беспросветнее ночь.
И в душе моей мечутся тени
Тех, кому я не в силах помочь!

Над землёю клокочет ненастье,
Ветки голые в окна стучат.
Жить мешает чужое несчастье,
Будто в нём я один виноват.

* * *

Я не знаю, зачем
Снежный ветер из леса,
Налетев,
Отнимает тепло у земли
И грохочет на крыше
Калёным железом
И разносит вокруг семена конопли.

Но я ветер люблю.
Снова стонет и плачет
Он в простуженной тьме,
Как больной человек.
И стучится в окошки
С упрямством незрячим.
И швыряет с размаху
В лицо моё снег.

И в душе начинается
Ветер тревоги,
Ветер смутных предчувствий,
Печалей и бед.
И премногие жизни несутся в потоке.
И во мраке теряются память и след.

И остались плетня чёрно-белые прутья
Мне берёстой светить в голубое окно.
И проезжему витязю
На перепутье
На вопросы ответить
Уже не дано.

Зимняя ночь

И холодом обдаст вдруг, и печалью,
Когда к земле примёрзнет тишина,
И взрежет темень серебристой сталью
Высокая ущербная луна,

И свет холодный на поля прольётся,
Всему живому душу бередя...
Как волчьей стае здорово поётся,
Когда над полем стонут провода!

Ни огонька в деревне нет, ни дыма...
На окнах вязь узорчатой резьбы.
Сквозь ледяные хрупкие зажимы
Тепло сочится из печной трубы.

Осевшим стенам не сдержать мороза.
С луны стекают зябкий свет и стужь.
И фарой непогашенной берёза
Слепит глаза и не даёт уснуть.

* * *

Задымилась во поле позёмка,
По-собачьи весело юля.
Соскользнув с закатной алой кромки,
В полутьму скатилась земля.

Притушил встревоженные звёзды
Снегопад и мой засыпал след.
Синевою призрачной венозной
Зябко просочился лунный свет.

И пошло крутиться по-над лесом
По полю свистящее кольцо.
И острей калёного железа,
Ослепив, ударил снег в лицо.

И в глазах взметнулись колкой болью
Вьюги бесноватые круги.
В нелюдимом, вскачь бегущем поле
Не видать протянутой руки.

Как бы не отчаяться, не сбиться
С тропочки в метельной колготне.
Укажи, отчаянная птица,
В непогоде путь-дорогу мне!

Утиши душевную тревогу
И не дай забыться гиблым сном.
Проводи к родимому порогу
И печаль с лица смахни крылом!

Голубка

День-деньской намокшее, как губка,
Небо в октябре сквозит дождём.
За окном нахохлилась голубка
На карнизе скользком жестяном.

Налетая, ветер гнёт железо.
Тянет влажным холодом с реки.
В птичьей жизни мало интереса
В мокрые, простудные деньки.

Непогода хмурится и злится.
Как бы мне её перетерпеть?
Мне сейчас не хочется быть птицей,
Да и ей не хочется лететь.

Небо низко — крылья не расправить,
Не найти весёлого пути.
Лучше до весенних дней оставить,
Затаить пока восторг в груди.

Пусть он в сердце нежится до мая,
Согревая нас ненастным днём.
Мы друг друга очень понимаем
С птицей невесёлой за окном.

Стихи про ульяновский трамвай

«Четвёрочка»

Идёт трамвай «четвёрочка»,
Как на колёсах дом.
И ледяная корочка
На стёклах серебром.

В ней, жёсткой как окалина,
Навстречу январю
Я, продышав проталину,
На улицу смотрю.

Вокруг деревья в инее,
Туманные завесы.
И от мороза синие
Постукивают рельсы.

Без опозданий, планово,
Уже который год
Проспектом Нариманова
«Четвёрочка» идёт.

Везёт трамвай сегодня
И души, и тела.
Влюблённые, разводные
И прочие дела.

Идёт, слегка качается,
По улицам пустым.
День только занимается
Над городом моим.

Наш первый дом

Был месяц влюблённых,
Был месяц май.
И запах пьянящий сирени.
В нём наш навсегда
Заблудился трамвай,
Ныряя из света в тени.

Любимая!
Помнишь, как наши сердца
Касались друг друга, сгорая?
Бездомные,
Мы от кольца от кольца
Вечера проводили в трамвае.

Нас скорость пьянила
И ветер в окне.
И, от всех отстранясь,
В уголке незаметном,
Будто в сказочном сне
Мы с тобой говорили
О самом заветном.

Мы мечтали
Построить наш маленький рай
В шалаше под бетонную крышей.
И катил по Ульяновску
Старый трамвай.
Лишь закрою глаза —
Как его снова вижу.

На работу

Я утром встал, смотрю в окно:
Ещё на улице темно,
Но тропкой подмороженной
Уже спешат прохожие.

И я спешу, хотя порой,
Хочу послать всё на фиг.
Но нависает надо мной
Работы жёсткий график.

Как хорошо, что «тормозок»
Стоит наизготовку.
Его хватаю, точно в срок
Бегу на остановку.

И где же он «второй» маршрут
Желанного трамвая?
И все вокруг толкутся, ждут,
Пыхтя, кряхтя, зевая.

И вот он, полный через край,
Приходит наконец-то.
Серьёзен утренний трамвай
И шуткам здесь не место.

Старый трамвай

О ветки шаркая акаций
И рассыпая искры в тьму,
Идёт трамвай...
Хочу признаться:
Он дорог сердцу моему.

Не покривив душой ни мало,
Скажу я честно про него,
Хотя он сделан из металла,
Трамвай — живое существо.

Пришёл он новенький с завода
И встал в сияющем строю.
О сколько всякого народа
Он перевёз за жизнь свою!

Он шёл сквозь вьюги и морозы,
Сквозь летний зной и лёд зимы.
Он слышал смех и видел слёзы
И жил всем тем, чем жили мы.

Сейчас, покрытый краской рыжей,
С рекламой броской на боках,
Он стал как будто тише, ниже...
И как бы вовсе не зачах.

Пройдя по рельсам лет немало,
Колёс с полсотни износив,
Он по путям скрипит устало,
Выводит старческий мотив.

Встреча третьего тысячелетия в трамвае №6

Спешат по городу трамваи
Сквозь новогодний яркий снег.
И я стремительно въезжаю
В тревожный двадцать первый век.

И надо ж так случиться, братцы,
Что в этот день такой облом:
Хоть бьёт в Ульяновске двенадцать,
Я не за праздничным столом.

Я торопился в гости к милой,
Но задержался невзначай.
— Звони, водитель, что есть силы,
Тысячелетие встречай!

Ещё не скоро грянет утро,
Начнём трамвайный карнавал.
Спеши сюда скорей, кондуктор,
Держи шампанского бокал!

Ну чем не маски — бомж с бомжихой,
Переодетый скучный мент,
И я, хлебнувший вдоволь лиха,
Стихоопасный элемент.

Я всех душевно обнимаю.
И опоздавшим счастье есть.
Тысячелетие встречаю
С людьми в трамвае номер шесть.

Опоздавший

Морозец, звенящий и ломкий,
Снежок под ногами хрустит.
Окрашены синькой потёмки,
Фонарь одинокий горит.

И в этой ночи бесприютной,
Весь в кольцах позёмки — змеи,
Я жду с нетерпением попутной,
Все сроки просрочив свои.

Сияет заснеженный город
В пустой ледяной тишине.
И снится, наверно, шофёру,
Что мчит он на помощь ко мне.

Водителю снюсь я трамвая,
Как он мне на помощь спешит.
По улочкам сонным петляя,
Призывно и громко звонит.

Но я всё один на распутье.
И в этом ничьей нет вины.
Хорошие, милые люди,
Спасибо за добрые сны!

В слепом одиночестве ночи
Я всё, что имел, потерял.
И всё безнадежно просрочил,
И всюду, везде, опоздал.

* * *

*Первой ульяновской вагоновожатой
Р. С. Разумовской*

Время уходит,
Хоть богу и жалуйся,
Не остановишь минут.
Римма Степановна, вспомни, пожалуйста,
Свой самый первый маршрут.

Утро стояло метельно-морозное.
Город продрог до земли.
Вы, молодая и очень серьёзная,
Первый трамвай повели.

Многим в то время в диковинку было
Чудо, что гулко по рельсам ходило,
На поворотах звеня...
Ровно полвека, вечность, уплыло,
С того незабвенного дня.

Сколько за жизнь километров накручено,
Вам это было дано.
Жизнь пролетела с надеждой на лучшее,
Может, и будет оно...

Про птичек и зверушек

Сова

Пока светло, сова болотная
Сидит в чащобе безработная.
И дальше носа своего
Она не видит ничего.
Но только сумрак у земли
До темноты ночной сгустится —
Зажгутся жёлтые нули
В пустых глазах угрюмой птицы.
Всё видит, слышит...
Крыльев взмах.
И в темь она ныряет ловко.
Бросок.
Пищит в её когтях
Нерасторопная полёвка.

Грач

Шары бурьяна мчатся вскачь.
Подули ветры стылые.
С берёзы голой смотрит грач
На поле в жёстком инее.
— Не раз ухожена земля
Мной, — мыслит он. — За это
Не получил я ни рубля,
Хоть страдовал всё лето.
Летит холодный белый пух.
И ветер дует встречный.
Пора и мне лететь на юг,
Но за свой счёт, конечно.

Лось

Откинув голову, он тело гордо нёс
Через поляну, по-хозяйски смело.
Здесь было всё его — деревья и мороз,
И снег вокруг, рогожно задубелый.
Ночь хлопотна была: среди берёз
Его зажали волки молодые.
Лось вожаку башку копытом снёс.
Ушёл, ломая чащи ледяные.
Под утро он нашёл стожок овса,
Наелся, навалился до отвала.
Шершавым языком коснулся солонца.
Пугнул сороку, чтоб не верещала.
И вдруг услышал свист промеж рогов,
А следом эхо выстрела катилось.
И снег потёк с заснеженных верхов,
И разом вся округа задымилась.

Лисица

Плутовка рыжая устала,
Полдня пробегала зазря:
В траве зайчишку потеряла,
И упустила глухаря.
Но день ещё высок и долог.
Вот чуть отдышится и вновь
Начнёт охоту: перепёлок
Травить среди ржаных валков.

Рысь

Желта, когтиста, мутноглаза,
С конфуцианской бородой,
Подолгу своего ждёт часа
Она на ветке над тропой.
Я увидел её и замер,
Не в силах сделать даже шаг.
Из глаз её метнулся пламень,
Поднялись кисти на ушах.
Решив, что я дурак нелепый,
Она ушла, фырча со зла.
Мы так нечасто смотрим в небо,
Всё больше под ноги, а зря...

Медвежонок

В десятках мест насквозь пробита шкура,
Нос обожжён, как будто кипятком.
Зачем же ты полез без дымокура
Зорить, как вор, пчелиный сладкий дом?
Что ж, молодости свойственны ошибки.
С годами опыт сам собой придёт.
Теперь ты будешь обходить те липки,
Где пчёлы наработывают мед.

Сапсан

Сапсан на взлёт пошёл с насеста,
И, высоту стремглав набрав,
Всю под прицелом держит местность —
Круги полян, верхи дубрав.
Он и с соперником сразится,
И взять добычу на лету
Всегда готов.
И на беду
С гнезда слетела голубица...

Оленуха

Издалека её коснулся слуха
Призывный и желанный бычий рёв,
И, трепеща от страсти, оленуха
Спешит туда, где храп и треск рогов.
Рога в рога. Ломают с хрустом шеи
Быки, дробя копытами гранит.
Кто в цвете лет, упрямей и мощнее,
Тот только в поединке победит!
Природа сильных жить благословляет,
Чтоб не кончался жизни вечный круг,
И победитель в свой гарем сбивает
Пугливых и покорных оленух.

Борзая

Поджарая, с кипящей злобой в пасти,
Разматывая по ветру слюну,
В холодное предзимнее ненастье
Она летит, пугая тишину.
А впереди, едва земли касаясь,
Не выбирая торного пути,
Летит стремглав на крыльях страха заяц,
И дых смертельный чует позади.
Прогонисто стремительное тело,
И беспощаден лютый гон борзой.
Она промчалась, поле онемело.
Внезапной задохнувшись тишиной.

Ворона

Осень...
Листья за ворохом ворох
Облетают. Короче становятся дни.
У ворон — это время разборок,
Спора, гама и толкотни.
Чуть до драки порой не доходят
Разногласья. О чём этот гвалт?
Может, новые делят угоды
Птиц, что скоро на юг улетят?..

Соболь

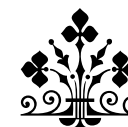
В дупле крепка его утайка,
К ней не добраться — высока.
Но всё равно отыщет лайка
По следу в чаше соболька.
Начнёт облаивать и визгать.
Такой поднимет шум и гам,
Что глупый соболь станет прыскать
По гибким веткам и верхам.
И тут ударит точный выстрел.
И пулька соболя найдёт.
И серебристый ровный чистый
Мех на прилавок упадёт.

Гусыня

На рассвете небо синее.
Июль — пришла жара.
Царицею гусыня
Выходит со двора.
За нею, как придворные,
Не отходя на шаг,
Гусяточки проворные
Толкаются, спешат.
Вот травка и озёрко,
И тополь на юру.
Пересчитает зорко
Она всю детвору.
Туманна гладь озёрная,
Опасность всюду ждёт.
И гусаки дозорные
Заряжены на взлёт.

Воробей

Вертляв, как Чичиков,
В коричневом фрачишке,
Сверкая дерзко бусинками глаз.
Он из окна подглядывает в книжку,
Которую читаю я сейчас.
Март, как птенец, проклюнулся.
Под солнцем
Пригрелся воробей, повеселел,
Искрится ржавью фрачное суконце,
Воротничок на груди посвежел.
Он суетится в ветках краснотала,
Пунцовых от щекотки листвяной.
И вместе с ним я радуюсь началу
Движенья жизни новой, молодой.
И он своей весёлости не прячет,
Чирикает на ветке за окном,
Что дожил до тепла и рад удаче,
И всё ему отныне нипочём.

Телёнок

В глаза глядят ромашек звёзды
Из душистых зарослей травы.
Трава растёт, щекочет ноздри,
Шумит у самой головы.
К ней потянуться языком бы,
И навернуть зелёный пук...
К телку ползёт янтарным ромбом
Худой воинственный паук.
Телок пугается букашки
И, взбрыкнув, отбегает прочь.
Стоит и смотрит на ромашки
Глазами тёмными, как ночь.
Парит, как облако, над стадом
Навозный, пряный, плотный дух.
Лежит в тенёчке за оградой
На травке старичок-пастух.
Жара слепит. И тень на землю
Всё круче падает. Телок
Бредёт лениво и, помедлив,
Ложится к матери под бок.
И всё упрямей к ней теснится,
Почуяв запах молока.
Корова смотрит сквозь ресницы
И лижет потный лоб телка...

Поэмы

Бунт совести

поэма

1

Здравствуй Волга — душа человека!
Древний ветер летит в затон.
Грузно волны, густые от снега,
Бьют в причальный слепой бетон.

Выйду я на холодный берег.
Влажно светит звезда в ночи.
Научи меня жить и верить,
Волга, счастьем меня научи!

Знаю, есть у тебя в запасе
Плёсы, заводи, Жигули,
Пугачёвщина, Стенька Разин,
Вёрсты политой кровью земли...

Ветер щёки царапает колко.
И от снега кипит волна.
Бьётся грузно о берег Волга.
Волга спрашивает меня...

2

Я однажды нашёл
Фотокарточки
В старом альбоме,
Хронографию жизни
Рабоче-крестьянской семьи,
Отпечатки торжеств
И невзгод в нашем доме.
Их на вечную память
Оставили предки мои.

Нет герба
На альбомном лоснящемся
Плюше,
Геральдических птиц
И зверья
На парчовой кайме.
Предки были просты,
Их безвестные души
Выходили из тьмы,
Исчезали бесследно во тьме.

Не князя,
Чтоб кичиться своим родословьем,
Не приезжие немцы,
Не мурзы поганой орды.
Основавший сей род
Наделил его доброю кровью,
И в историю вписаны
Битвы его и труды.

И когда я читаю
Открытую книгу России,
Вижу пращура светлый
И торжественный лик,
Это он обустроил
Просторы лесные
И былин
Языковую крепость воздвиг.

Это он на священных
Воротах Царьграда
Щит прибил самокальным
Надёжным гвоздём.
Это он изогнул
Потолки Грановитой палаты,
А избёнку свою
Изукрасил летящим коньком.

А его
Забивали кнутами до смерти,
Волокли на правёж,
Батогами пущали кровя.
И сказал некий князь:
— О смердящие смерды!
Сколько их не топчи,
Вновь растут как трава.

О гонимый народ!
Твоего родословья страницы
Невесёлых мечтаний
О правде и воле полны.
Не из них ли взяла
Свой разбег тройка-птица,
Чтобы вечно лететь
Над простором страны.

Не избыть мужика
Ни битьём,
Ни кандальной цепью.
И когда разрывалась
Терпенья тугая струна,
Полыхали пожаром
Поволжские дикие степи,
На Москву надвигалась
Мужичья война.

3

Истории ветер
Летит по разлому России,
По каждому сердцу,
По каждой судьбе прямиком.
Со скрежетом рушатся наземь
Гербы вековые.
Летят на булыжник орлы
Коронованным лбом.

— Погибла Россия!..

— Россия победно воскресла!..

Слова атакуют, сшибаются,
В сердце без промаха бьют.
Призывным плакатам
На стенах расстрелянных тесно.
Из словолитен
Всё новые толпы их прут.

Восстанья круги
От столицы бегут к захолустью,
Равня сословья,
Сдирая чинов шелуху.
Задворки страны,
Что пропахли обломовской Русью,
Встряхнулись, прозрели, —
И Ленин у всех на слуху.

4

Спит мещанский Симбирск,
Февралём убаюкан —
Обещаньем свободы,
Раздела земли.
Отшумела в садах
Листвяная осенняя вьюга,
Ледяные зазимки
На зелень отавы легли.

Гулко грянул Октябрь —
Революции огненный праздник.
Будоражит страну
Обновления жуткая новь.
Но Симбирск молчалив,
Монастырский,
Лабазный,
С кистенём под полой,
Ошалевший от яви и снов.

Мыслят люди с деньгой:
Лучше пусть верховодят эсеры.
Совнаркомия Питера
Нам, волгарям, не указ.
Наша местная власть
Вся купеческой веры.
Их мы знаем насквозь —
Покупали не раз.

Спит мещанский Симбирск,
Но в казармах, шумят о свободе
Те, кто с вошью окопной
Был три года на «ты».
И пять сотен рабочих
Бузят на патронном заводе.
И крестьянин ко лбу
Поднимает шепотью персты.

Он ещё не опомнился,
В строки вчитавшись декрета,
Что в обмотке привёз
С галицийского фронта шабёр:
— Надо землю делить!
Неча ждать учредилки и лета.
Не помогут слова,
Так поможет топор!

Он молчит,
Но «люблю» сердце шепчет землице.
И мозолят глаза
Тыщи потных борозд.
До рабочей зари
Мужику будут в мареве сниться
Неба край,
Да копыта,
Да взмыленный хвост.

Он приникнет к земле,
Задохнётся от жара,
От затаённого
В почве огня.
Буйно щедра
Чернозёма опара,
Насквозь пропотевшая,
Будто холка коня.

Дождь пойдёт по земле,
Пашню каплями тыча,
Ярый дождь, что ждала
Вся земля
Столько дён!
И сорвутся к земле
Струи
Сотнями тысяч
Тугоскрученных ветром
Золотых веретён!

Как желанно мила
Зеленям эта пряжа,
Дармовщинный и сладкий
Весенний поток.
И потянется к солнцу
Хмельно и протяжно
Зеленоклювый
Дрожащий росток...

Золотое зерно
Защекочет ладоней мозоли.
Зажурчат жернова,
Сладко в ноздри пыля.
Не мечтает мужик
О другой, лучшей доле:
Лишь бы стала своею
Навеки земля.

Светлый день — воскресенье!
Рынок в Симбирске
Колобродит, как стачка,
Мычит и визжит.
Из-под круга точильного
Сыпятся искры.
И заря кровянит
Голубые ножи.

Любит сердцем точильщик
Работу хмельную,
От которой земля
Закачается вдруг,
Когда вопьётся
Взасос, в поцелуе,
Нож заголяшный
В наждачный круг!

Тоци, пролетарий,
Косы и вилы,
Кали, окунай их
В родниковую студию!
Земля раскрутилась
Гудящим точилом —
Вылетел в небо
Млечный путь!

Рынок в Симбирске
Шумит, колобродит.
Из уха в ухо
Слушок течёт:
— Керенки больше, того,
Не ходят.
Только царь — золоту
Вечный почёт.

В руках у кого-то
Мелькнула газета.
Споры.
И некому речи пресечь.
— Быстро новая власть
Производит декреты.
— Как блины их печёт.
— Как бы рот не обжечь.
— Кто их знает?
Там Питер, Советы.
Здесь начальство и баба.
Я лучше на печь.

Как огонь в самокрутках,
Имя пыхает:
— Ленин. Ульянов.
Пожилой старожил
Мужикам из Тагая внушал:
— Это наш, симбирянин,
Без всяких обманов.
Я его самого
И отца его знал.

— Это надо ж! —
Качали вокруг головами.
— Наш, симбирский!
А может, ты врешь?..
— Я тогда промышлял
В их порядке дровами.
Брехуном не дразнили.
Неужто похож?

— Ну, и как из себя он?
— Кто?
— Ленин тот самый.
— Был смиренный мальчишка,
Но взглядом востёр.
Волосы будто лампадное пламя...
— Ты гляди, а докуда допёр.
— Чай, из богатых?
— Какое богатство.
Домик, сад,
Ребятни полный двор.

... Рынок,
Стихнув,
Внезапно звереет от ора.
Плещет смрадная ругань
Из глоток, как дым.
Ловит скопом толпа
Карманника вора.
Наземь свалив,
Нависает, как туча,
Над ним.

Смертью пахнуло,
Могильной землёю.
Жизнь встрепенулась,
Почуяв провал...
Воздух густой
Разорвал над толпою
Выстрел,
И с крыш
Вороньё посдувал...

Рынок отпрянул,
Немой от испуга,
Чтоб обернуться
И вызверить лик.
Ноги расставив
И подняв руку,
Встал на телеге
В шинели мужик.

Рядом ещё.
Но негусто,
С полвзвода.
Крепкие парни.
Винтовки, штыки.
— Граждане!
Власть в руках народа!
Правят Россией
Большевики!
— Сам-то ты кто?..
— Я пришёл от Совета,
Чтобы отдать правду Ленина
Вам:
В своих деревнях
Создавайте комбеды,
Землю делите
По головам!

— Мы бы ничо,
Да чего бы ни вышло...

— Хватит, слезай!
Что пустое брехать?

— Уши развесили:
К новому дышлу
Всех вас привяжут,
И ну — погонять!..

— Хватит, как малых детей
Нас баюкать!

— Эх, мне бы, батя,
Винтовку да штык.

— Бери в намозоленные
Мослатые руки
Плуг революции,
Русский мужик!

Трудно и страшно
С духом собраться.
Мужик всё примерит
Не раз и не пять,
Прежде, чем бунтом
Пойти на богатство,
И на господ
Свою руку поднять.

А точильщик всё точит,
Камень кружится.
От весёлой работы
Трепещет душа.
И сыпятся искры,
Как перья жар-птицы
С раскалённого кругом
Голубого ножа.

Клубился зной
 Колючий, злой.
 Желтело небо, как рогожа.
 Сграбастал голод
 Пятернёй
 За глотку
 Нищее Поволжье.

Смерть шла
 По выжженным полям
 Тенями рваными
 Пожара.
 И кровью наливался шрам
 На детской шее
 Комиссара.
 Угрюмо заседал
 Комбед.
 Бесхлебье
 Обсосало лица.
 И падал из окошек свет
 На злые
 Острые ключицы.

Крик петушиный.
 Выстрел.
 Стон.
 Скрипят ворота, как протезы.
 Клокочет в глотках
 Самогон.
 Лежат за пазухой обрезы.

Огнём обкусанный забор.
 Голов отъятых
 Позевота.
 Скороговорка пулемёта.
 И пуля
 Разрешала спор.

Голенаста, как аист,
 Мозолины глаже,
 Вымахав,
 Тысячи пашенных вёрст,
 Висит на амбаре
 Старинная сажень,
 Деревянные ноги
 Топыря вразброс.

Сделал её,
 Когда был ещё в силе,
 Дед,
 Воротившись с Гражданской домой.
 Землю
 Навечно крестьянам делили,
 Счастьем ржаным
 Одаряли с лихвой.

Путаясь в полах
 Пробитой шинели,
 С саженью шёл он,
 Спеша со всех ног.
 Землю делил мужикам
 И артели,
 Мощностью
 В шесть лошадёнок и сох.

Всех наделил
И запрягся в работу.
Залежь ломал
И в отход уходил.
Чтоб прокормить десять ртов —
Всю голоту,
От зари до зари
Выбивался из сил.

Как она пахла,
Родная земляца,
Плугом обласкана.
Вся в зеленях,
Вот и досталось судьбе
Распрячиться,
Больше не чудился
Голод и страх.

Малость окрепнув
К тридцатому году,
Думал,
Что дальше помчит рысаком.
Но для крестьянства
Другую свободу
Выдумал вождь
В кабинете своём.

Так зануздали —
Не брыкнешься даже.
От мужика
Отшатнулась земля.
Снова ладони
Мозолила сажень,
Пашню для нового счастья
Деля.

Тем, кто покрепче,
Под самые срубы
Землю обрезали,
Что негде встать.
Медные трубы
И чёртовы зубы —
Всё это им
Предстояло узнать.

Сбрую снесли,
И скотину согнали
В общий загон.
Сочинили колхоз.
Этих сослали.
Этих избрали.
Этих молчком отнесли
На погост.

Новая жизнь
Стала тише и глаже.
Думать не надо,
Коль всё решено.
Мерила труд
Бригадирова сажень.
Время катилось.
Куда? — всё равно.

Русская доля,
Судьба ножевая!
Горечь утрат.
И забвенья трава.
Только застонет душа,
Прозревая,
В горле занозой
Застрянут слова.

Бушует Волга.
 Даль сокрыта мутью.
 И на душе предчувствие судьбы.
 Дрожит причал, отшвыривая грудью
 Свинцовых волн насупленные лбы.

Бугры воды взрываются, сверкая,
 И зыбится пучина, отступив.
 И слышит сердце, плача и стеная,
 В прибое к бунту яростный призыв.

Моя душа подвластна грозной смуте.
 В ней всполохи бунтарского огня.
 Я знаю, что на русском перепутье
 За всё, что будет, спросится с меня.

Бунтует Волга — пленная стихия,
 Грызёт плотины, рушит берега.
 Во мне бунтуют совесть и Россия,
 Бунтует Божья правда мужика.

Школа

Геннадию Ивановичу Дёмину

Морозные звёзды смолола
 Метель на крутых жерновах.
 И мчались, как белые пчёлы,
 Над полем снежинки впотьмах.
 Рыдал колокольчик поддужный,
 Скрипели постромок ремни.
 Из тьмы, беспокойной и выужной,
 Таращились волчьи огни.
 Как стража, столбы верстовые.
 Двуглаво распяты гербы.
 Одна лишь дорога в России
 У правды и честной судьбы.
 И чудились — звоны, да звоны,
 Кандальные звоны теней.
 И лики, печальней иконных,
 Витали в потёмках полей.

Владимирка!
 Песни, былины
 Про вечно гонимый народ.
 Ухабы избиты, как спины,
 Безвестно ушедших вперёд.
 Брели они с бритыми лбами,
 С печальной надеждой в груди.
 Века пронесли за веками,
 А горе, как прежде, в пути!

Машиною лязгнув, Европа
 Царизму вlepила под дых.
 Кострищем пылал Севастополь,
 Солдатскою славой велик.

Забиты окошки проливов.
Зарыты в суглинок сыны.
И стали видны все нарывы
На теле огромной страны.

Есть время победных сражений,
Страну низвергающих в темь.
О пользе иных поражений
Не худо бы помнить нам всем.
Салюты спелят ярким светом
Ретивых вояк и толпу.
Не видно порой за победой
Отчизны болезную судьбу.
Жизнь стоит всё меньше и меньше.
И золотом кажется ржа.
И сетью невидимых трещин
Разрухи покрыта душа.

Крым вырвал Россию из сони.
Все стали роднее на миг
Друг другу, услышав, как стонет
На павшем редуте мужик.
Испив свою чашу страданья,
Россия открыла лицо.
Пришли времена покаянья,
Ответа детей за отцов.
Москва, Петербург — две столицы
Бурлили, вершили дела...

А здесь во Симбирской провинции
Плевалась окалиной мгла.
И мчался по скользким ухабам
Продутый возок во весь дух.
В поклоне сгибалася баба.
Мужик с головы рвал треух.

Прогорклым соломенным дымом
И стойлами воздух пропах.
И кони, хоть тяжко родимым,
На взгорок пошли во весь мах.
Откуда нашлось столько силищ
В них после дороги крутой!
Директор народных училищ
Очнулся от дрёмы больной.
Сочился молозивный сумрак.
Дымки завивались из труб.
В потёмках, рассветных, угрюмых,
Маячили тени халуп.
Чернели плетни вдоль дороги.
Прах инеевый сыпался с крон.
И слышался чистый и строгий
Из церкви к заутрене звон.

— Ну, вот и приехали, барин!
Примёрзла к земле тишина.
Навстречу, спросонок распарен,
Спешил со всех ног старшина.
— С прибытием, ваше...
— Ульянов...
Приезжий стряхнул с шубы снег.
— Директор училищ...
Престранный,
Учёный, видать, человек.
Без спеси, чиновного ору.
Смекнул волостной — простота.
По тропочке узенькой в гору
Пошли на сиянье креста.
Не школа, а слёзы —

Две лавки,
Да стол из шершавых досок.
В дешёвой латунной оправке
Лампада,
Задумчивый бог.
Соломкою белою иней
Навис на промёрзших углах.
Клубился морозный и синий
Сквозной нищеты полумрак.
Ульянов нахмурился:
— Странно...
Занятия что ж не велись?
— Да что ребятня,
Тараканы
От холода все разбежались!

Ульянов задумался.
Грустно.
Повсюду по школам разор.
В лаптишках, хрустящих капустно,
Мальчонка уткнулся в притвор.
Глядит на приезжего — барин.
Наружность, глядит, не строга.
— А ну-ка, иди сюда, парень.
Ты хочешь учиться?
— Ага.
— Зовут как?
— Оглоблин Илюха.
Мальчонка глядел посмелей.
В дырявом отцовском треухе,
Улыбка до самых ушей.
Как видно, в семье не излишки.
Скупа у крестьянства судьба.
И в тихом простецком парнишке
Ульянов увидел себя.

Сиротская жизнь не смеялась.
Нехватки извечно в дому.
Припомнил он, как доставалось
Ученье когда-то ему.
Кто рад был и ломтю ржаному,
Тот знает о жизни без слов.
Ульянов, вздохнув, волостному
Сказал:
— Собери мужиков!

Деревня тонула в сугробах,
Дымя в задубелую студь.
С берестяной зыбки до гроба
Крестьянину вымерен путь.
Судьбой освящён, непреложен,
С рожденья ему насулён.
Земля и щедра, и пригожа,
Да только и ей обделён.

Пришлось на мужицкую долю
От вольных царёвых щедрот
Для ржи десятинное поле,
А бабы, так вовсе не в счёт.
Налоги пошли, круче прежних.
Но «крепости» нет, как-никак!
Поставил какой-то приезжий
В версте от деревни кабак.
Прибавилось пьяни и голи.
И выкуп на шее, как крест.
На том и закончилась воля,
Что всем даровал манифест.

Вся жизнь и вся радость —
Из хлеба.
И намертво русскую ширь
Держала глубинная скрепа —
Община, иль попросту — мир.
Природные корни, живые,
Держали в земле каждый дом.
Мир был пуповиной России,
В её тело вросшим узлом.
Царю развязать не по силам
Устоев неписанных крепь.
Решалось всё исстари миром,
Одна была воля и цепь.

Сходились неспешно, с оглядкой:
С какого прищучат конца?
Своим заведённым порядком
Вставали поодаль крыльца.
— Чего там надумали власти?
Опять поди новый оброк?
— Итак, разорвись хоть на части,
Налоги не выплатить в срок.
— Узнать бы, чего там заранее.
— Подхватят опять за ребро.
Мужик забулдыга горланил:
— Решим, коль поставит ведро!
— В холодную хочешь!
И взашей
Турнул его сотник, грозя:
— Накормим берёзовой кашей,
На сходе буйнить нельзя!
Все знать непременно хотели,
Что власть припасла мужику.
Замёрзшие лапти скрипели
На жёстком январском снегу.

По вьевшейся в душу привычке
(Приезжий-то сам генерал!)
Попадали шапки мужичьи.
Ульянов рукой замахал:
— Покройтесь!
Я к вам за советом, за помощью...
Лес уже есть...
Построить бы надобно летом
Школу на тридцать мест.

Крестьяне молчали, хмуряя:
Незнакомое дело — как взять?
Опять на мужицкую шею
Хомут, и его притирать.
И солнечный полдень немилым
Покажется в спорах, пока
По делу столкнешься с миром
И с места столкнёшь мужика.
— А тёс как? А гвозди? А стёкла?..
— На восемь саженой хором!
Рубаха на госте промокла,
А всё ж настоял на своём.
Ульянов провел свое дело.
Сочли по копейки рубли.
Пока отрядились, стемнело,
И звёзды вокруг расцвели.

И в путь!
Отдохнувшая пляшет
Пристяжка, дымясь куржаком.
Вдали за околицей машет
Ночная метель рукавом.
Ямщик засвистел: Эй, родные!..
В лицо брызнул колкий снежок.
И снова в потёмки России
Ввинтился скрипучий возок.

Стихии бурлящая воля.
Метелей крылатых полёт.
Ещё одно поднято поле,
Где знание людское взойдёт.
Не сразу, не скоро —
Подспудно
Созреют добра семена.
Пока ещё спит непробудно
Державы родной глубина.
Салонные кончились споры.
За дело другие взялись.
Дымком динамитным террора
Пахнуло из дальних столиц.

Проклятие вечных вопросов.
И в них было русское всё:
Иль бомбы бросать под колеса,
Иль делать всю жизнь колесо?..
Мучительный гнёт самовластья
Придуман, иль сам он возник?..
О скорбное русское счастье
Сжигать свою жизнь для других!
Не всем пьедестал эшафота
Достался. Немало людей
Сожгла беспощадно работа,
Чтоб стало в России светлей.

Умыла февраль непогода,
И месяц взошёл молодой.
И стал наряжать на работу
Своих мужиков волостной.
Повинностью всех наделили,
Хоть ругани было слёз.
Но в двадцать саней снарядили
Для вывоза леса обоз.

По зимней дороге не тряско
Катили с бугра на бугор.
За каждой торчал опояской
От холода синий топор.
За пазухой хлеба краюха.
На дровнях верёвка, пила,
И мягче лебяжьего пуха
Охалка соломы была.

Просторно!
И взгляд не охватит
Всю ширь. Голуба высота.
Снегов самобраная скатерть
мотри, хоть ослепни, пуста.
Лишь копотью чёрной вороны
Осели в седой березняк.
И воздух, промёрзший до звона,
Скрипел на зубах, как наждак.
Подроста елового ровня
Взбежала на белый бугор.
Катили крестьянские дровни
В Присурье, в откупленный бор.

Неяркой латунной жестью
Закат застелил синий снег.
Крестьяне приехали к месту
И встали гуртом на ночлег.
Умяли лаптями поляну,
Костры развели — и вповал.
Наутро лесник им дялян
Деревьев мелком отсчитал.
За лесом вдали заалелась
Рассвета туманная гарь.
Они кипяточком согрелись,
Ржаной пожевали сухарь.
Чтоб не быть за душу в ответе,
Подальше коней отвели.
Деревья, литые из меди,
Гудели натугой земли.
В сосне, золотой и дебелий,
Старшой остриём топора
Зарубку широкую сделал,
Потрогал рукою — пора!
Примета старинная: сосны
Валили, когда из корней
Густой и янтарный, как солнце,
Сок двигался в перья ветвей.
Столетиями срубы не гнили,
Держались и в мокреть, и в студь.
И церкви, как лебеди, плыли
Над Русью, и ныне плывут.

В мужицкие лица смолисто
Живицей пахнула кора.
Запела протяжно и чисто
В руках голубая пила.

— Ну, с богом, крещёные!
Разом
Ударили в комель с боков.
И запричитало железо
В руках молодых мужиков.
Всё глубже, натужней
И с храпом
Пила умеряла разбег.
Дрожали сосновые лапы,
И падали шишки на снег.
— Пошла!
— Берегись!
Покачнулась
Земля.
Отшатнулся мороз.
Сосна до корней содрогнулась
И пала, ломая подрост.
И грохот пошёл по чащобе,
Тяжёлый, как медь, громовой.
Сохатый споткнулся в сугробе
И, молча, потряс головой.
Медведь потянулся в берлоге
И мох под бочину подгрёб.
Над лесоповалом сороки
Трещали по-бабьи, захлёб.

— С почином!..
И в воздухе стылом,
Давясь древесиной, вразмах,
Качнулись певучие пилы
В надёжных мужицких руках.
И двадцать стволов враз упало.
И вздрогнул от грохота лес.

Лоснился,
Как жёлтое сало,
Исчерченный кольцами срез.
За комель петлёю — и в волок
Под хриплые выплески слов.
Посыпались искры иголок.
Морозных
С лошажьих боков.
По вагам катали на сани
Тяжёлые брёвна. Обоз
Сполна нагрузили. В тумане
Три солнца сулили мороз.
Льдяная текла позолота,
Процежена стужей, с небес.
Поснедали. Снова работа:
Везти заготовленный лес.
Истёрта спина, в кровь избита,
Но надо тянуть, коль велят.
Упёрлась в четыре копыта
Кобыла, а дровни стоят.
Мужик навалился. Полозья
Скрипуче запели, пошли.
Простором пахнуло морозным.
Вечерние тени взросли.
На небе взошла самосевом
Звезда, как цветок на лугу.
Дорожным синичьим напевом
Свистели полозья в снегу.

Заботы, тревожные думы...
Ульянов работой горел.
Скупы подотчётные суммы,
А столько задумано дел!
Крестьянство бедно, а помещик
Уж сыт либеральной игрой,
Да мало ль в России есть трещин,
Куда утекает добро?
Налоги уходят на ружья,
На новый азийский набег.
А власти всегда был не нужен
Со светом во лбу человек.

И царский минпрос был в заплатах,
(Пример как из нынешних дней)
За что бы ни взялся — нехватки:
Ни денег, ни нужных людей.
Спасенье — листы подписные,
На дело годился и грош.
Щедра добротой Россия,
Но много ли с нищих возьмешь?
Крестьянин долгами стреножен.
Никак не возьмет себе в толк:
Всю жизнь проработал
И должен.
И внукам останется долг.
А век-то мужицкий недолог,
Сорвал пуповину — остыл.
Но поп, как любой идеолог,
Всем вечное счастье сулил.
И с миру по нитке что голым,
Жалея крестьянских детей,
Собрали на новую школу
Почти сорок восемь рублей.

Ульянов прикинул расходы —
Пособия, парты, доска...
Не раз подсчитал все работы
На жёлтой осьмушке листа.
За свой счёт община построит,
Она ж педагога наймёт...
Но всё-таки нету покоя,
И в голову сон не идёт.
Закроет глаза он —
В тумане,
Как спелый подсолнух,
Пред ним
Встает невеликое зданье
С шатровым
Крылечком резным.
Вкруг гомон,
Ребячий, весёлый.
В цветке золотится пчела.
Такую построить бы школу,
Чтоб дома роднее была!

Не спится.
Поднялся с кровати.
К столу подошёл, торопясь.
И начал в рабочей тетради
Чертить всё, что видел сейчас.
Не то.
Зачеркнул.
Постепенно
Из плена бумажного ввысь
Прозревшие окнами стены
С крылечком резным поднялись.
Вкруг дома вставала ограда
За нею и пчельник, и сад.

Наличников ярких оклады
Резьбой оживили фасад.

Чертёж получился отменный.
Илья Николаевич встал.
Окно распахнул.
Белопенный
Сад тихо во сне бормотал.
Весна.
Жизнь как будто в начале.
Душа не грустит о былом.
Все зимние смыты печали
С земли торопливым дождём.
Ещё только жизни середка.
Есть силы и пыл молодой.
Судьба, словно утлая лодка,
Над тёмной летит глубиной.
Тяжка просвещения пашня.
Он знал всю её без прикрас.
Часы городские на башне
Пробили предутренний час.

Отсеялись.
Вешний Никола
Отпразднован шумной гульбой.
Пора приниматься за школу,
Решили на сходке гурьбой.
Лес, сложенный загодя в штабель,
Подсох на весенних ветрах.
И струйки смолистые капель
Желтели на круглых боках.
Ударишь в бревно — колокольно
Гудит древесина, что бас.
Директор училищ довольно
Глядел на сосновый запас.

Лесины, пахучи и прямы,
Лежали вповал, во весь рост.
С зимы заготовили рамы,
И краску, и гвозди, и тѣс.
И место нашлось, где не тесно —
На взгорке, у самой реки.
Артель подобрали из местных,
Степенные все мужики.
Из тех, кто прошёл с топорами
До волжского низа всю Русь,
И в каждом построенном храме
Все помнил венцы наизусть.
Такие, коль надо, вслепую
Построят игрушку-избу.
Одним топором золотую
Развесят с карнизов резьбу.
Наточат игривых балясин.
Отхолят перила не раз.
Стоит дом,
Как чудо прекрасен,
Народной душой напоказ.

Крестьянин на все руки мастер.
Гонялся годами, спеша,
В отходных работах за счастьем,
Да так не нашёл ни шиша.
Но эта работа не барам,
А вся для своей ребятни.
Работали плотники даром
Для мира, где жили они.
А труд веселее свободный.
В нём что-то от детской игры.
Скатали бревно поудобней,
И взяли его в топоры.

Сосну раздевая, железо
С причмоком стреляло щепой.
И, рдели сосновые срезы,
Крутой наливаясь слезой.
Затенькали звонкие пилы,
В сухую вгрызаясь кору.
Работы крылатая сила,
Как праздник, красна на миру.
Работали жарко, торопко,
И брёвна пошли нарасхват.
Нашлись добровольцы
На копку — не мало.
Все тридцать лопат.
Стояли вокруг, бородами
Уткнувшись в махорочный дым,
Пока размечали фундамент
Ульянов с артельным старшим.
Разметили.
Сразу за дело
Взялись мужики —
Не оброк.
Светля, железо скрипело,
Вгрызаясь в лежалый песок.

Азарт
(Нет запальной завода!)
Зажёг всех, горят мужики.
Нашлась и мальчишкам работа —
Булыжник таскать из реки.
Несли, кто охапку, кто горстку —
Любого старшой привечал.
Илья Николаевич тѣзку,
Оглоблина, сразу узнал.

Илюшка директора вспомнил,
Но что-то невесел, смурной.
Ульянов услышал, что помер
Отец мальчугана весной.
Непросто семье без кормильца.
Пять братьев, сестрёнки — орда!
Бесхлебьем обсосаны лица,
В глазах застоялась беда.
Навряд ли придётся Илюшке
Учиться.
Заест парня жизнь.
Ульянов по жёсткой макушке
Погладил и молвил: — Крепись...
Илюшка оттаял, не букой
Глядел, а надеждой светясь.
— Я выучил целых три буквы,
И все напишу, хоть сейчас!

Присели на брёвнышко. Мигом
Столпились ребята вокруг.
Ульянов взял детскую книгу,
И начал читать её вслух.
Притихли и слушают вечный
Рассказ о победе добра.
Звук радостной пушкинской речи
Дошёл до глухого угла.
Сияло волшебное слово,
Проклюнулся знаний росток.
Под стук топоров в школе новой
Ульянов дал первый урок.

Читал бы ещё, да помещик
Подъехал — крестьянский хомут.
— Зря строите — стёкла расхлещут,
А дом непременно сожгут!

Почаще их брать надо в плети,
А вы в эту грязь со свечой!
— Не даст бог никак ему смерти, —
Мужик проворчал за спиной.
— Вот, слышите?
Юркнул в тележку
И кучера ткнул кулаком.
Вослед кто-то свистнул насмешку,
И пыль закрутилась столбом.

День гнал по земле волны света.
Рад жизни был каждый листок.
Приспело и время обеда.
И все потянулись в тенёк.
Расселись по кругу.
И старший
Махнул кашевару — давай!
Пошли по рукам миски с кашей
И хлеба тугой каравай.
И первая гостю — обычай.
Ульянов приветно кивнул.
Уж тут не до светских приличий,
И миску в колени приткнул.
Молчат, стукоток слышен ложек,
Да всплески ветвей, будто крыл.
Ульянов покушал и ковшик
Кваску молодого испил.
И вновь разговоры о деле
Пошли без подначек, всерьёз.
— Закончим к петровской неделе...
— Нам неча тянуть — сенокос...
Высокое солнце в накале.
Над пашнями марева дым.
Опять топоры застучали
По брёвнам от зноя тугим.

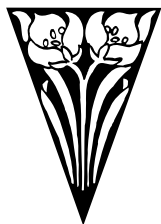
Всё сделали, как порешили.
 Чуть лето успело остыть,
 Всем миром его пригласили
 В деревню, чтоб школу открыть.
 И снова дорога!..
 В укладке
 Нехитрые школе дары:
 Всемирная карта, тетрадки
 И книжки для всей детворы.

Мелькали тележные спицы,
 Грязь брызгала из-под копыт.
 Летели осенние птицы
 Над родиной,
 Плача навзрыд.
 Стояли деньки золотые.
 Листва облетала с берёз.
 Волнуясь, прощалась Россия
 С порою цветенья и гроз.
 От зябких дождей проржавели
 Зелёные крыши лесов.
 И чувства иные прозрели
 К отчизне — печаль и любовь.
 И сердца коснулась, тревожа,
 Листвы облетающей дрожь.
 И стала родней и дороже
 Земля, на которой живёшь.
 Открылась душе по наитью
 С природой бессмертная связь.
 Пора журавлиных отплывтий
 И грусти, пронзающей нас!

Простор дрожкой нитью прострочен
 Станиц, уплывающих в синь.
 И горечью пахла с обочин
 Седая, как пепел, полынь.
 Ворона взлетела с разбега.
 Зайчишка метнулся в кустах.
 И ходко катила телега
 В просторных осенних полях.
 Хлеб убран, стерня золотилась.
 И шла в деревнях молотба.
 Была умиленная милость
 В земле, подарившей хлеба.
 Над током пыльца обмолота
 Клубилась под гомон цепов.
 Журчали, заждавшись работы,
 Литые круги жерновов.
 Деревня считала прибитки
 И сколько налогов отдать.
 Остатка лишь только
 На нитки хватало,
 Чтоб рвань залатать.
 Царю, господину и Богу,
 Хоть сдохни, а доли отдай...

Ульянов смотрел на дорогу
 На милый затерянный край.
 День тихо катился на убыль.
 Темнел на деревьях раскрас.
 Вдали вспыхнул храмовый купол,
 И речка блеснула, змеясь.
 Илья Николаевич зорко
 Вгляделся: «Ах, вот и она!..»
 У речки, на ровном пригорке
 Стояла в четыре окна.

Домов деревенских повыше
С пристроем, крылечком резным,
Под светлой тесовою крышей
Возникла вдруг школа пред ним.
Вкруг чёрный лоскут огородный,
Под ивами мельничный пруд.
Вздыхнулось легко и свободно
От счастья, омывшего грудь.

Сын

(отрывок из поэмы)

1

Прошёл легчайший дождь,
Почти неуловимый,
И радуга воздвигла зыбкий мост.
Трава курится вогловатым дымом,
Чуть розовым от зноя и стрекоз.
И вспыхнувший цветеньем
Куст сирени
Дымится тоже, хоть и не промок.
Над Волгою в неясном отдалении
Пошаливает радостный громок.
И стая голубей над парком кружит,
И падает на землю с виража.
И важно ходят голуби по лужам,
И воду пьют глотками, не спеша.
Они взлетают хлопотливым роем,
Меня крылами не задев едва.
Сегодня на земле всё молодое:
И гром, и дождь, и солнце, и трава.

2

Его весна назад тому столетье
Была такой же юной как сейчас.
И соловьи трубили о победе
Любви к всему, что окружает нас.
Клубился мёд сиреневых туманов.
Стучали ветви клёнов по окну.
Входил, волнуясь, молодой Ульянов
В открытую ветрам свою весну.

Семнадцать лет!
Судьба на ярком взлёте,
И в сердце ощущение крыла.
На грозном российском небосводе
Его звезда высокая взошла.
Пускай она, неведомая миру,
Лишь для него горит в кромешной мгле,
Он ощущает радостную силу
В себе самом и молодой земле.
Ещё чуть-чуть и будет брошен жребий,
Что мир расколется через тридцать лет.

За вешней Волгой, отражаясь в небе,
Вставал, играя, радужный рассвет.
Открыли церковь. Нищие старухи
На папертях с протянутой рукой.
Симбирск чадил угаром летних кухонь
И терпко пахло молодой травой.
Прогрохотал исправник на пролётке,
Как будто идол, деревянно прям
Прошёл, дырявой хлюпая подмёткой,
В кабаке родства не помнящий Иван.
Швейцары двери драили присутствий,
Зевал судья, читая приговор,
И заводил с клиенткой об искусстве
Галантный парикмахер разговор.

Симбирск вставал, весь в колокольных звонах,
Весь благолепный, истовый как встарь.
Он был одной из многих ножек трона
На коем восседал российский царь.
Царь был для всех — и божий гром и милость,
Паря над миллионами голов.
И паутины власти все сходились
В когтях бездушных гербовых орлов.

Сословия, чины... Кругом ранжиры
Указы циркуляры, рапорта.
Битком набита каторга Сибири.
Разлома обозначилась черта.
Народовольцы — молодость и совесть,
Чья вера лишь один прицельный взрыв.
Не понаслышке знал он эту повесть,
А сердцем и умом переварив.

Саднила память, горечью распята.
Рыдания мамы и сестёр испуг.
Ульянов помнил день ареста брата,
И сквозняковый холодок вокруг.
Косился лавочник, отвешивая сахар,
Судачили соседи шепотком.
На тротуаре взвизгивала плаха
Под полицейским жёстким сапогом.
У дома день и ночь в засаде сыщик
Сидел — как бы чего не просмотреть.
Ульянов знал: неумолимо рыщет,
Круги сужая, возле брата смерть.
Он заточён в пучину каземата
И отказался бить царю челом.

А здесь в Симбирске яблонька крылато
Плескалась под Володиным окном.
Запел скворец, сверкая антрацитно.
Жизнь совершала свой весенний взлёт.
И за Свягой — с косогора видно —
Работал на полях простой народ.
Скрипели сохи. Надрывая жилы
Тянули с хрипом баржу бурлаки.
И тощие коровы воду пили,
В трясине увязая, из реки.

Он был не в силах радоваться маю.
Ему судьбы чуть приоткрылась даль.
Его взрослила, душу остужая
Недетская холодная печаль.

3

Куда пойти?..
С кем поделиться болью?
Мать рядом с Сашей,
Нет в живых отца.
Запруженная арестантской голью
Вскипала гулко улица с конца.
Косил лиловым глазом конь горячий,
Конвойный офицер крутил усы.
Совала бабка каторжным калачик,
Как повелось от века на Руси.
Владимир жадно всматривался в лица.
Кого не привели сюда пути!
Вот два студента, может из столицы?
Спросить про Сашу... Но не подойти.
Гонимый люд шёл, спотыкаясь, в гору,
Сквозь толпы обитателей градских.
Хотелось отшатнуться от позора
Своей страны, но он смотрел на них.

4

Над городом
Весны звенело знамя,
С Венца дул лёгкий ветер — ласковой.
Над крышами домов, над куполами
Кружился май на крыльях голубей.
Шумело монастырское кладбище,
Вороньим граем, молодой листвой.
И словно на родное пепелище,
Пришёл Владимир к стеле гробовой.

Тот день вставал в сиянии немилком.
Народ всё шёл и шёл издалека.
Под синим генеральским вицмундиром
Остановилось сердце мужика.
Отец лежал в гробу, прямой, лобастый.
Сторонник дел. Противник болтовни.
Он был педагогических дел мастер,
Учитель и наставник ребятни.
Под шум дождя и всхлипывание вьюги,
Не думая про звание и почёт,
Он объезжал Симбирскую округу
И все деревни знал наперечёт.
Курные избы, рощицы, пригорки.
Серп полумесяца, сияние креста.
Папузы, Курослепки, Домосёрки —
Беспамятные дикие места.
Сквозила бедность русских, инородцев
Из каждого дремучего угла.
За ним вставали школы как колодцы
С живой водою знания и добра.

— Отец, отец...
Мы — пасынки отчизны,
Твои сыны...
(О, как земля молчит!)
К чему не прикоснёшься в русской жизни,
Умом иль сердцем — всё кровоточит.
Не оступиться б, что найдёшь, не знаешь.
Ведь на Руси как будто в сказке той:
Пойдёшь налево — совесть потеряешь,
Пойдёшь направо — голова долой.

Вороний грай шумел над тополями,
Земля молчала под родным крестом.
Но знал Владимир, что пойдёт он прямо.
Своим, ещё не тореным путём.
Пройдёт сквозь испытания наощупь,
В бореньях прозревая, чтоб потом,
В семнадцатом, рванула штурмом площадь,
Всё обрекая на распыл и слом.

Земля молчала, но ударил ветер,
Взыграла в небе света полоса.
Цепляясь за верхушки старых ветел,
Шла на Симбирск весенняя гроза.

1987–2014

Статьи

Русский святой Пушкин

В своё время Гете вопрошал: «Что свято?» И отвечал: «Свято то, что объединяет много душ». Вдумаемся в эти слова. То, что объединяет много душ, является святым. Не то же самое для России и Пушкин? Он объединяет не только души, но и поколения, потому что он первый заговорил «самостоятельным и сознательным русским языком» (Ф. Достоевский). И, пожалуй, гораздо больше, чем историкам, мы обязаны Пушкину обретением исторической памяти. Наш гений охватил весь путь России до её последнего шага, простерся до той тьмы, которая неизбежно поглотит всех и вся. И в этом смысле Пушкин — Святой земли русской.

Державное значение Пушкина хорошо сознают, нет, не наша интеллигенция, а неприятели России. Они очень хорошо понимают, что экономический, политический хаос в России ещё не означает её конца, им нужно подорвать нравственную основу самого народа, сделать невыносимым его существование как цельного организма.

Иногда приходит в голову страшная мысль: а что если России как государства не станет, и народ её рассеется по лику земли? Что тогда?.. Евреи и армяне сохранились как народы, потому что не утратили свои священные книги, откуда черпали духовные силы для выживания. И не только сохранились, но и забрали в руки такую силу, особенно первые, что почти всё человечество у них в долгах, по части толерантности.

Так что же мы с собой возьмём, если такое случится в России? Конечно, Пушкина, ибо в нём — язык наш и память наша.

В детские и юношеские годы он был свидетелем титанической борьбы, которую вела Россия с нашествием «двунадесяти языков». И в наши дни как нельзя более ко времени и месту звучат его «Клеветникам России», «Перед гробницею святой», «Бородинская годовщина», когда Запад уже несколько лет ведёт войну против православия и славянства объединёнными силами всей Европы и США.

Вы грозны на словах —
попробуйте на деле!
Иль старый богатырь,
покойный на постели,
Не в силах завинтить
свой измайловский штык?
Иль русского царя
еще бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?

Жаль только, что живём мы сейчас «без царя в голове», большей частью по собственной вине, и толком не знаем, где наши выгоды. Но время отрезвления и принятия решений уже властно стучится в дверь.

Пушкин дружил со многими декабристами, но не принимал идею насильственного свержения власти. По своим убеждениям он был традиционалистом и монархистом. «Только по смерти Пушкина обнаружились его истинные отношения к государю и тайны двух его лучших сочинений. Никому не говорил он при жизни о чувствах, его наполнявших, и поступил умно... Чрез то святыня высокого чувства была сохранена». (Н. Гоголь. «О лиризме наших поэтов»). Назовём эти стихотворения: «С Гомером долго ты беседовал один...» и «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю...»). В. А. Жуковский в письме отцу поэта привёл последние слова Пушкина о государе: «Скажи, что мне

жаль умереть; был бы весь его». Послереволюционные литературоведы постарались скрыть или интерпретировать в нужном им духе эти факты, но они существуют, и от них не уйти. В стихотворении «Андрей Шенье» он определённо выражает своё отношение к революции:

Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей.
Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас!
О позор!

Скажут, что Пушкин воспевал свободу. Но какую?.. Свобода для поэта не была буржуазным лозунгом, начертанным на знамени французской революции 1789 года, он стремился к воле, а это уже совсем другое понятие, которое могло сформироваться только в России. Воля — это покой, это — устойчивое согласие между душой и внешним миром. «На свете счастья нет, но есть покой и воля...»

Понимает ли Пушкина русская интеллигенция, задумывалась ли над его истинным содержанием и значением? Сомневаюсь. А вот покопаться в грязном белье поэта норовят многие. Станный вопрос мне задала одна студентка не так давно: «А вы знаете, сколько любовниц было у Пушкина?..» Я, естественно, не знал. «Двенадцать!» — сказала юная любительница русской поэзии. Оказывается, она обогатилась этими, достойными сожаления, знаниями на литературном вечере, посвящённом памяти поэта.

Пушкиноведам не даёт покоя вопрос о камер-юнкерстве Пушкина. Действительно, ему было присвоено это придворное звание, которое поэт счёл неприличным по «его летам», хотя ему было едва за тридцать, в наши дни капитанский возраст. Так что такое камер-юнкер? Обер-лакей?.. Ответственный за дымоходы в Аничковом дворце?.. Послушаем на этот счёт Л. Толстого: «Князь Василий

устроил для него (Пьера Безухова. — Н. П.) назначение в камер-юнкеры, что равнялось чину статского советника» («Война и мир», I том, часть III, второй абзац).

По табели о рангах это соответствовало чину полковника, возможно, даже выше. Напомним, что все русские самодержцы, включая женщин, были только полковниками, так что с этой стороны обижаться за Пушкина вроде бы не стоит.

Было другое — обязанность облачаться в мундир, бывать на балах, представляться августейшим особам по случаю их тезоименитств. Для Пушкина это было, по временам, докучным занятием. Он мечтал и грезил о другом:

...Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними. Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...
...Вот счастье! Вот права..

(«Из Пиндемонти»)

Многие ли современные литераторы живут согласно этому пушкинскому завету? Увы, нет. Многие из нас гнут совесть, помыслы и шею, заискивают перед сильными мира сего и обывательским мнением толпы. Светлый родник русской литературы замутили и закопытили окололитературные бесы определённых цветов и оттенков. Появились ловкачи, которые на русскоязычном наречии стали утверждать идеи, противные мирообразующим ценностям русского народа, и преуспели в этом. Вклад писателей одесско-бердичевской литературной школы в дело разрушения России весьма весом. Наша интеллигенция в значительной мере их усилиями обыдлена и утратила гражданскую ответственность перед обществом.

Всечеловечность была подменена космополитизмом, а вкусами стала править пошлость.

И еще одно существенное замечание. Русская литература всегда была учительной и ответственной. Она всегда учила, воспитывала, наставляла человека в духе истинных ценностей: добра, любви к ближнему, бесребреничества, стремления к всечеловеческому идеалу — Христу, любви к Отечеству. С другой стороны, наши писатели всегда отвечали своими судьбами и жизнями за право быть пророками в своём Отечестве. И первым был Пушкин:

И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь,
и внемли,
Исполнись волею моей,
И обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Русский Дом или история возвышения и упадка русской литературы в самом сжатом виде

1

В современной публицистике патриотического толка довольно часто говорят о Русском Доме (Мире), но всегда слишком общо и с излишней горячностью, когда надо ясно и просто сказать, какие смыслы в себя вмещает это понятие, поскольку именно русскому человеку надлежит знать, на каком основании строить свою жизнь и по каким духовным правилам, которые выработаны многовековым жизненным опытом народа.

Во-первых, ему надо знать, что корневой основой Русского Дома является Русская земля, на которой, по воле Божией, русский человек обитает с незапамятных времён, рождается и умирает, сохраняет и увеличивает её плодородие, защищает от захватчиков, отстаивает своё право быть Русским и более никем:

Был Запад,
Был Восток —
Враждебные стихии,
Когда промыслил Бог
И сотворил Россию.

Он дал ей речь и меч,
Молитвы и орала,
И заповедь — сберечь
Священные начала.

И указал ей Бог,
Единственной и верной,
На Запад и Восток
Как на исчадия скверны.

Во-вторых, как мне это видится из моего писательского шалаша, Русский Дом (Мир) — это духовное святилище или русская Библия, в которой сохраняются вечно живые ценности и смыслы русского народа в форме русской литературной классики. А сам он воздвигнут на непоколебимой кладке из народных песен, сказок, былин и пословиц. Нижние его венцы срубили летописцы, автор «Слова о полку Игореве» и церковные писатели, из которых всего заметнее венец, сработанный протопопом Аввакумом из «неошкуренного» грамматиками природного русского слова.

Явился Пётр Великий, открыл нам Европу и навёз оттуда в Россию груды неведомых слов-кирпичей, поэтому словотворцы 18-го века продолжили строительство Русского Дома вперемешку: одно слово из Библии, другое — из Твери, третье — из немецкого артикула. И тот Русский Дом, который строили писатели от Кантемира до Державина, окнами и дверями выходил на царский дворец, а глухой стеной был обращён к русскому народу и к его языку.

Пушкин сломал эту стену, вывел русскую литературу в благодатное поле русского языка, обратил её лицом к народу, И чудо свершилось! Не иначе, как по боговдохновению, наш гений за считанные годы возвёл свой Русский (Пушкинский) Дом из бессмертных творений, которыми обозначил все ценности и смыслы русского народа. И в нём нашлось место и Богу, и Царю, и России, и человеку, и народу.

Ни одно из пространств Русского Дома поэт не оставил пустым и тёмным, каждое озарил и освятил своим искромётным гением. И вскоре на сияние зажжённых им светильников разума и гармонии явилась плеяда русских классиков, и уже в начале 20-го века свет из его окон освещал не только Русский Мир, но и был виден со всех материков планеты Земля.

Революция перевернула в России государственную идеологию, экономику, общественные и личные связи на социалистический и атеистический лад, и прежние смыслы литературы — Бог, Царь были аннулированы, а Россия стала СССР. Казалось, и литературная классика сгинет в междоусобном хаосе, но Советская власть, притушив на время лампы перед её алтарём, зажгла перед писателями нового времени маяки электрификации, индустриализации и культурной революции, которые создали русскую советскую литературу, где ведущими смыслами стали светлое коммунистическое будущее человечества, человек труда, атеизм, дружба народов. Вокруг Дома русской советской литературы очень скоро возникли хаты, юрты, сакли, яранги, кибитки и подобные им постройки литератур народов СССР, которые плотно заселили талантливые писатели, пишущие в общем для всех русле социалистического реализма.

Приземление духовных смыслов литературы не могло не сказаться на её насыщениями шедеврами, перед ней исчезли все горизонты, кроме коммунистического миража-призрака, который для литературы, воссоздающей художественную конкретику, так и не стал идеалом будущего. Советская литература была лишена Бога, но без него не стало в ней и Человека во всей его богочеловеческой полноте, поскольку была отвергнута истина, что одна его часть — земная, от природы, а другая, духовная — от Бога.

Таким образом, в СССР существовали две литературы: русская классика и русская советская, которая никоим образом не была продолжением классики. И вот почему. Русская классика возникла на последней стадии русского феодализма, когда идеалом русской цивилизации был Иисус Христос. В советское время идеалом стал Герой нарождающегося социалистического времени, каким его видел тов. Сталин. Однако прошло совсем немного времени и этот земной идеал начал осыпаться, ветшать и превратился

в хорошо оплачиваемый социальный заказ, и русская советская литература, после двадцатых годов во многом утратила способность не только к самостоятельному творческому взлёту, но и к самодвижению.

Слепое и безропотное подчинение принципу партийности отвратило писателей от служения Правде и Красоте, и литература превратилась в многолюдный вшивый рынок. В писательской среде большое влияние приобрели люди, чуждые русской культуре. Общее число насельников Дома советской литературы достигло десяти тысяч, и после хрущёвской «оттепели» он к началу восьмидесятых годов превратился в затхлый приют для «инвалидов слова», чьи творческие потуги, в основном, были хилы, блёклы и безжизненны. Однако русская классика ещё не утратила своего влияния на русских литераторов, что привело к появлению достойной деревенской прозы и произведений о Великой Отечественной войне.

Эти писатели сумели пристроить к Дому советской литературы два своих этажа, но хозяевами в нём не стали. Они были слишком тесно связаны с партийной идеологией, и, когда началась перестройка, умами интеллигенции овладели писатели антирусского либерального кроя, которые в считанные дни превратили Дом советской литературы в лагерную зону, народ — в заключённых, язык — в мат и феню. В литературный обиход вошли «базар» и «понятия», литературоведы и критики с дозорных вышек литзоны ловко метили клеймом черносотенца тех, кто не хотел «жить не по лжи», как этого требовал из вермонтского далека А. Солженицын.

Эта кричалка ослепила и до сих пор ослепляет многих образованцев, которые не догадываются спросить, а по чьей правде надлежит жить человеку, если не по лжи?.. Нобелевский лауреат об этом не сообщил, хотя всё в этой фразе его: и ложь, и правда, и то как он их понимал во все дни своей жизни — далеки от Божеских и близки к власовским.

А что делали, о чём думали бывшие советские писатели, когда, задержавшись на девяносто лет, в Россию явился напроороченный Дм. Мережковским «Грядущий Хам», и им оказался совсем не русский народ, о чём заходились визгом либералы, а партийно-советский выкормыш Ельцин?.. Вместо чаемой свободы слова явилась «цензура рынка», которая оказалась тупей и безжалостней советской, и почти все произведения писателей, не принадлежавших к гулаговской литературной школе, стали не нужными на вшивом рынке русофобского постмодерна.

Бывшие советские писатели до сих пор никак не могут расстаться с миражами благоденствия в Союзе писателей, и это лишает их чувства реальности. Как слепые кутята, они тыкаются во все стороны в поисках титьки, плачутся и недоумевают, что русская литература не нужна новой России, и никак не могут взять в толк, что нынешняя власть стоит не на пушкинской, а на солженицынской правде. Она прекрасно знает, что в русской классике нет ни одного произведения, оправдывающего наживу и угнетение человека человеком, поэтому смотрит на русского писателя, как на докучного обличителя и безнадёжно отставшего от трендов и брендов современности отщепенца.

Недавно писатели-фронтовики обратились к Путину с письмом-воплем о русской культуре, а с того, как с гуся вода. Ему ближе современная культура, и не по причине странного и неодолимого к ней пристрастия, а потому что современная русская действительность абсурдна в своей основополагающей сути, которая уничтожает базовый принцип русской культуры — СПРАВЕДЛИВОСТЬ ДЛЯ ВСЕХ. Русская классика не даёт совершиться реформатированию сознания народа только одним своим существованием, поэтому от неё решено избавиться. От русской литературы по замыслу культуртрегеров рынка должна остаться лишь мемориальная покойницкая для классиков, произведения которых, по мере надобности, будут в препарированном либералами виде являть народу на театральных подмостках, киноэкранах, телесериалах

и на ТК «Культура», чтобы жечь сердца людей не глаголом пушкинской правды, а взлелеянным ненавистью к русской культуре ядом лжи. Для этого уже проведены два анонимных «Года культуры» (2003,2014), а в следующем году подобная акция будет посвящена умалению русской классики. «Год литературы» (2015) состоится как генеральная репетиция по сносу Русского (Пушкинского) Дома.

Содержание

<i>Светлана Замлелова. Предчувствия поэта</i>	5
«Быть русским выпала мне доля...»	13
Безвременье	14
История России	15
Судный День	16
Смерть	18
Вот и всё	19
«Не все дойдём мы в возрасте преклонном...»	21
О звёздном и земном	22
Отдайте жизнь — я сам в ней разберусь	26
Мёртвый лес	26
Я стих из сердца выну...	28
Первое октября	29
«На одиночество обрёл я сам себя...»	30
Зов судьбы	31
Материнская нить	32
Грозы начало	33
Пастушок	34
Осенний листопад	35
Украина, 2014	36
Предчувствие Поэта	37
Попутчик	38
Последний лист на древе жизни	39
«Я умным быть устал...»	40
Ворон	41
«Старая школа саманная...»	42
Раздолье осени	43
Земля одна	45
Юнцу	46
Русский ковчег	47
Разум	48
Когда густеют сумерки	49
«Зашумела вода в переулке...»	50

«Бор вокруг озёрного ока...»	51
Возвращение	52
«Был дом в три окна, и рябина...»	53
«Воля есть, но на том берегу...»	54
Стихия	55
Июль	56
«Сад терзает всю ночь ливень с градом...»	57
Стансы	58
Волчья осень	59
Крещенское утро	60
Надежда Рождества Христова	61
Жизнь облетает неслышно	62
Из лета в зиму переправа	63
Магазин уценённых вещей	64
Всё где-то решено	65
Воспоминание о романсе	66
Тайна	67
Две гвоздики	68
Встреча	69
Второе рождение	70
Красота	71
«Жизнь занятие вредное...»	72
Птичий двор	73
«Всё пройдёт, но ведь что-то останется...»	74
«Туман предосенний и плавный...»	75
Ворона	76
Новый Год	77
Мечтатель	78
«Не будем, друг, вести подсчёты дней...»	79
Волга	80
«День опять то сияет, то хмурится...»	81
Снег душу молодит	82
«Давай поговорим о звёздах...»	83
«Солон ритуальных услуг...»	84
Бродячий пёс	85
Кот Михаил	86
Весны начало	86

«Ледок в два пальца толщиной...»	88
Кукла	89
Баня	90
Баллада о кедре	91
Тополь	92
Лось в городе	93
Крылья	94
Узник	97
Архив	98
Павел Васильев	99
Скульпторы	100
«Всех тянет на улицу...»	102
Праздники	103
«Не говори мне слов полезной лжи...»	104
«Они от нас отходят понемногу...»	105
Волк	106
«Восторги радио, победный всплеск газет...»	107
На Свяге	108
«Нежданно тихо рассвело...»	109
Подводник	110
Осенняя гроза	111
«Осенних отлётов поспешность...»	112
Костёр	113
«Почувяв зимы неизбежность...»	114
Петух	115
«Я на чужих ошибках не учусь...»	116
«О чём я завтра напишу?...»	117
«Отгорели надежды и страсти...»	118
«Я чувствую, как неустанно...»	119
Всегда в пути	120
Интеллигенты в первом поколении	121
«Весна чуть-чуть замедлила разбег...»	123
Зной	124
Валун	125
Воскресенье	126
Подвал	127
Гость	129

«В густой смоляной позолоте...»	130
Ветер в городе	131
«На стенке нарисованный цветок...»	132
Красная Книга	133
«Был я бровчик, был кудрявчик...»	134
Вечёрки	135
«Эти года позабудешь едва ли...»	136
«Недосыпала, мучилась грудницей...»	137
Ледостав	139
Сказки	140
«Из беспросветного круга бескрылого...»	141
Смерть Петра I	142
Поэт	143
Поэзия	145
Зимний дождь	146
Случай в аэропорту	147
Ручей	148
Не знаю я	149
Сактированный	150
Пустырь	152
«Как печально и тихо в отчизне...»	153
«Петь и плакать — счастливая доля...»	154
«Пролилась кровь звезды голубая...»	155
«Сыплет листвою осинник...»	156
Счастливый день	157
«Я был другим...»	158
Человек	159
Высота	160
«Посидим, посумерничаем возле окошка...»	161
Белое озеро	162
Гробница Тутанхамона	164
Как-то вечером	165
Клеймение коня	166
«Поцелуй на морозе так свеж...»	167
Вьюга	168
Звезда земли	169
Мастерская художника	170

«Придёт пора и осень отгорит...»	171
Подарок	172
Снег летит	172
Движение	175
Рождение слова	176
Поезд	177

Циклы стихотворений

Стихи про «Кирпичики»	180
Стихи россыпью (1970–1989)	187
Стихи про ульяновский трамвай	200
Про птичек и зверушек	207

Поэмы

Бунт совести (поэма)	216
Школа (поэма)	233
Сын (отрывок из поэмы)	255

Статьи

Русский святой Пушкин	262
Русский дом или история возвышения и упадка русской литературы в самом сжатом виде	267

Полотнянко Николай Алексеевич

Бунт совести

Стихотворения и поэмы

В авторской редакции.
Компьютерный набор *Л.И. Полотнянко*.

Подписано в печать 05.01.2015 г.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman
Печать ризографическая
Усл. печ. л. 16,2.
Заказ № 14/432.
Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Вектор-С»
432013, г. Ульяновск, ул. Промышленная, 53 б